

Тюрьма

(сборник статей)

Питер Гелдерлоос

2016

Оглавление

Вместо предисловия	3
Мир за решеткой. Как растет американская тюрьма	5
Что такое тюрьма?	5
Тюрьма в средствах массовой информации	5
Почему так важно говорить о тюрьме?	7
Нетипичные заключенные	8
Кто и за что попадает в тюрьму	9
Судебный расизм	9
Условия в тюрьме	11
Истории заключенных	15
Как тюремные власти поддерживают контроль	17
Контроль над заключенными в тюрьмах общего режима	20
Тюрьма на свободе	21
Тюремно-промышленный комплекс	22
Насильственное вмешательство и контроль	28
Расправа с несогласными	32
Внушаем страх и торгуем безопасностью	35
Разрушим стены: агитация против тюрем и организация движения	38
Политический активизм против активизма прямого действия	38
Реформы против революции	40
Поддержание активизма	40
Научный активизм	41
Война на нашей улице	41
Нравственность государства	42
Постскриптум	42
В ловушке правосудия: закон и бессилие общества	45
Список использованной литературы	62
Послесловие	64

Вместо предисловия

В современном мире полагают, что тюрьма занимается исправлением преступников: должен ведь нарушитель закона, нанесший вред обществу, быть как-то наказан и направлен на путь истинный. Однако, исходя из своего опыта, могу сказать, что единственное, чему учит тюрьма – это подчинение, а «исправленным» считается тот, кто и на свободе чувствует себя как за решеткой. Государство использует тюрьму как механизм постоянного давления на недовольных тем, что правительство и корпорации тратят наши общие ресурсы. Кто-то возразит, что тюрьма представляет реальную угрозу лишь для тех, кто нарушает закон, но ведь, действуя в рамках закона, кардинальных изменений в стране не добьешься. Выборы – это естественный отбор среди элит, где побеждает кандидат с наиболее убедительной популистской риторикой; такая демократия по душе лишь тем, кто не ждет от правительства ничего, кроме поправок в закон о ношении оружия или изменений в стандартах ответственности бизнеса, для принятия которых могут понадобиться тысячи часов волонтерской работы и сотни тысяч долларов пожертвований, а основную выгоду в итоге извлекут толстосумы и власть имущие. Однако же если нашей задачей является построение общества, в котором человек и проблемы окружающей среды стоят выше макиавеллиевской идеи государства и интересов корпораций, нам не повезло: государство не станет защищать наши интересы. «Согласия управляемых»¹ не существует: мы рождаемся гражданами, а правительство возникло без нашей инициативы или участия. Фактически государство отлично функционирует и без нас. Если нам только и остается, что смириться, то речь идет не о консенсусе, а о подчинении.

Но ведь свобода слова для того и существует, чтобы влиять на общество, возразит воображаемый оппонент. Я предпочту промолчать о пренебрежительном отношении государства к свободе слова и лучше поделюсь некоторыми наблюдениями, сделанными мной во время заключения. В тюрьме строгого режима у меня было больше «свободы слова», чем в тюрьме с минимальным уровнем изоляции: я мог открыто критиковать кого угодно и даже ругаться с охранниками; вытворять подобное по отношению к полиции и другим представителям власти на свободе намного сложнее. Все это сводится к тому, что никакие слова не могут обрушить стены, защищающие власть; в камере-одиночке можно кричать что угодно. Однако, чем ближе окончание срока, тем больше причин вести себя смирно: так администрация, смягчая условия содержания заключенных, приучает их молчать. А те, кто ходят на свободе (хотя уместнее было бы назвать их «наименее ограниченными в своей свободе»), не ропщут: они убеждены, что сохраняют свое положение, пока демонстрируют лояльность по отношению к существующему порядку.

---

¹ Цитата из Декларации независимости США. – Прим. пер.

Конечно, борьба с инакомыслием – не единственное назначение тюрьмы, а в США, например, оно и вовсе второстепенно: среди американцев чрезвычайно мал процент инакомыслящих. Пока у среднего класса есть возможность покупать хорошие автомобили и дешевый бензин, нематериальные блага вроде свободы никого не интересуют. Среди моих знакомых к фашизму и тоталитаризму наиболее склонны те, кто наиболее увлечен потреблением. Американцы клюют на все: будь то ложь пошлейшего из политиков или очередное дешевое пластиковое дерьмо из *Walmart*. На тех же принципах держится миф о том, что тюрьмы созданы для блага общества. Для чего на самом деле нужны тюрьмы в США, так это для ущемления прав черных, латиносов и представителей коренных народов. Последних сажают в таких количествах, что нередко представителей той или иной возрастной группы за решеткой оказывается больше, чем на свободе. Притом иногда сажают за такие не столь серьезные проступки, как, например, хранение наркотиков, за что в США вполне можно схлопотать пожизненное заключение. Тюрьмы также обеспечивают государственные организации и военные предприятия дешевой рабочей силой с оплатой менее чем в доллар за час. А ведь этого зачастую недостаточно даже для того, чтобы покрыть расходы на жизнь в тюрьме. Фактически в конституционной поправке, запрещающей рабство, сознательно оставлена лазейка, позволяющая использовать принудительный труд в местах лишения свободы.

Рано или поздно мировое сообщество, считающее себя «цивилизованным», научится жить и взаимодействовать на более сложном уровне, чем дрессированные собаки, реагирующие лишь на немедленные вознаграждение и наказание, – на уровне, достаточном для рождения всеобщей солидарности и поддержки, столь необходимых миллионам людей, чьи жизни в настоящее время постепенно съедаются в мировых тюрьмах.

Мир за решеткой. Как растет американская тюрьма

Этот текст был написан Питером Гелдерлоосом и Патриком Линкольном на основании проведенных в университетах Восточного побережья в 2004–2006 годах семинаров о пенитенциарной системе.

Что такое тюрьма?

На этот вопрос у каждого человека, вероятно, будет свой ответ. На ассоциативном уровне наверняка возникнут такие слова, как «грязь», «страх», «плохая еда», «колючая проволока», «насилие» и другие, связанные с представлениями об условиях содержания в тюрьме. «Преступность», «наказание» и другие общие места в ответах иллюстрируют всю узость нашего восприятия: мы видим в тюрьме лишь общественную реакцию на преступление.

При этом многие никогда не задумываются, чем является тюрьма для заключенного и для всего общества в целом. В первую очередь этот социальный институт известен своей непрозрачностью. Тюрьмы, как правило, расположены в сельской местности, вдали от людей; даже сама архитектура – внушительные ряды колючей проволоки, заборы, узкие окна – подчеркивает ее изолированность. При всем том внимании, которое уделяется криминальным историям в СМИ, личности самих преступников никому не интересны и не нужны.

Наш долг перед собой и теми, кто находится по другую сторону тюремной стены – преодолеть все условности и получить полноценное представление об этом таинственном заведении.

Тюрьма в средствах массовой информации

СМИ – телевидение, радио, журналы, газеты – играют первостепенную роль в формировании нашего мнения о реальности, в которой мы живем. Если в действительности преступность идет на спад, но СМИ при этом упоминают о ней чаще обычного, то люди начинают чувствовать себя менее защищенными. Что же происходит, когда внимание фокусируется на преступности, но отнюдь не на самих заключенных, не на тюрьмах и, главное, не на причинах возникновения преступности?

Разумеется, о тюрьмах в СМИ все-таки говорят, но несравнимо меньше, чем о преступности. Во-первых, не существует хоть какого-нибудь института описания тюремной системы в целом. Приведем пример: «тюремно-промышленный комплекс» – термин, широко распространенный среди специалистов, занимающихся

анализом структуры и функционирования пенитенциарной системы. Несколько лет назад он был использован в заголовке одного из материалов весьма популярного издания *Atlantic Monthly*. При этом поисковик *Alta Vista* по запросу словосочетания «*prison-industrial complex*» («тюремно-промышленный комплекс») по изданиям *Fox News*, *CNN* и *New York Times* никаких результатов не выдал. С другой стороны, поиск в СМИ новостей по запросу «тюрьма» дает большое количество результатов. Как правило, попадают новости двух разновидностей: о какой-нибудь знаменитости, угодившей за решетку, или о злоупотреблениях тюремщиков в других странах. После того как была обнародована информация о пытках в подведомственных США тюрьмах за рубежом, американским СМИ пришлось-таки заговорить об этом – исключительно для смягчения нависшей над государством опасности. При этом они не только уклонились от раскрытия факта систематичности пыток, но и от самого факта пыток в принципе (чего не преминули бы сделать, если бы речь шла о кубинских или африканских тюрьмах). Они даже не объяснили, насколько связана тюремная система США с контролируемыми ими тюрьмами в других странах, хотя многие мучители в тюрьме Абу-Грейб до отправки в Ирак служили тюремными охранниками и чиновниками у себя на родине.

До тех пор, пока страх, навязываемый медиа, заставляет нас ненавидеть преступников, мы не начнем относиться к ним как к равным (кроме, пожалуй, знаменитостей, которым мы, как правило, сочувствуем). Насилие в тюрьме – это что-то происходящее «где-то там», далеко, и к нам никакого отношения не имеющее.

Дискуссии о тюрьмах в СМИ обычно сводятся к вопросам вроде: «Не слишком ли мы балуем заключенных?». Рассказывая о несчастных знаменитостях под домашним арестом или в тюрьмах общего режима, СМИ представляют пребывание за решеткой как приятную прогулку или посещение загородного клуба. Тюремное насилие редко попадает в заголовки газет; журналистские расследования останавливаются самое большее на отдельных случаях. Если в работе местной тюремной системы существуют темные места, узнать об этом людям неоткуда. В то же время о человеке, который был освобожден условно-досрочно и после этого совершил убийство, поисковик *Alta Vista* находит 920 отдельных статей за 2004 год. В подавляющем большинстве из них речь идет о том, что система правосудия проявила излишнюю «мягкость», приняв такое решение. При этом поиск за указанный период по словосочетанию «обязательный низший предел наказания» дает всего 17 результатов (подразумеваются нормы, определяющие минимальные сроки, руководствуясь которыми, судьи выносят приговоры на десятки лет заключения даже за ненасильственные преступления, несмотря на смягчающие обстоятельства). За этот же период, например, не было ни одной публикации о людях, которых заперли на 12 лет за торговлю марихуаной. В результате внимание общественности приковано не к государственной политике, определяющей сроки наказания, а к одному частному случаю. Так люди начинают верить в необходимость ужесточения наказаний для заключенных, не представляя, насколько эти наказания и без того суровы.

Кроме информационных СМИ существуют медиа развлекательного характера, которые также уделяют немало внимания системе правосудия. Из одной местной газеты мы узнали, что на региональном канале программам о полиции, судах, преступниках и тюрьмах было уделено 23 часа в сутки. Практически все эти шоу оправдывали

или восхваляли правоохранительные органы, но ни в одном из них не говорилось о том, каково быть заключенным или человеком, которого объявили преступником (важно помнить, что каждый из нас наверняка хоть раз в своей жизни совершил правонарушение, но при этом никто из нас не считает себя преступником). В новейшей истории США портрет заключенного на обложке крупного новостного журнала был размещен лишь однажды: это была Марта Стюарт.¹

Остальные тысячи заключенных такой почести удостоены не были. Дегуманизация заключенных и прославление тех, кто запер их в тюрьмах, навязывание страха преступности, отсутствие понимания ее природы, уверенность в необходимости наказаний без рассмотрения последствий – все это навязывают нам СМИ, помогая государству поддерживать ситуацию, в рамках которой множество людей становятся жертвами системы.

Почему так важно говорить о тюрьме?

В первую очередь – из-за пугающей статистики. Миллионы людей страдают от пенитенциарной системы. По состоянию на 3 февраля 2005 года 2,14 млн человек находились в местах лишения свободы на территории США, а еще 4,6 млн были освобождены условно-досрочно, осуждены условно, находились под домашним арестом или ожидали завершения следствия по их делу. 4,3 млн человек числились бывшими заключенными (по данным *prisonsucks.com*). У миллионов детей родители сидят в тюрьмах. Процент тюремного населения в США выше, чем в любой другой стране мира.

Кроме того, важно говорить о тюрьме потому, что проблема никуда не денется сама по себе, все будет только усугубляться. Общее число заключенных людей в этой стране с 1970 года выросло в 7 раз (все статистические данные основаны на официальных данных Бюро судебной статистики и Министерства юстиции США, если не указано иное). За время президентства Билла Клинтона тюремное население увеличилось на миллион человек, но Джордж Буш побил его рекорд. В Вирджинии в 2003 году количество заключенных выросло на 4,6%, похожая тенденция наблюдается и в других штатах (по данным сайта Департамента исправительных учреждений штата Вирджиния).

Тюремная система оплачивается из наших налогов, и в некоторых случаях это происходит даже во время приобретения обычных товаров, поэтому все мы отчасти поддерживаем ее. К тому же преступность затрагивает все общество, а тюрьма считается эффективным способом борьбы с ней.

Наконец, важно говорить о тюрьме потому, что вся система, обеспечивающая ее существование, является ужасной ошибкой: именно об этом и пойдет речь в книге.

---

¹ Американская бизнесвумен, приговоренная к пяти месяцам заключения за незаконное использование инсайдерской информации. – Прим. пер.

Нетипичные заключенные

Мы с Патриком решили провести семинары о тюремной системе после того, как сами познакомились с ней изнутри.² У каждого из нас за спиной было по шесть месяцев отсидки после задержаний на акциях протеста. Меня приговорили в июле 2002 года; сначала я провел месяц в трех окружных тюрьмах Джорджии, потом в федеральной тюрьме Атланта я ожидал перевода (согласно требованиям федеральной системы, все заключенные, пока их переводят, содержатся в тюрьмах максимально строгого режима), затем этапирован по воздуху в тюрьму общего режима города Камберленд, штат Мэриленд, где и оставался до истечения срока заключения. Патрика осудили в 2003 году, и он провел все шесть месяцев в колонии Камберленда.

У нас с Патриком было несколько преимуществ, которых не было у других заключенных. Нам пришлось сидеть сравнительно недолго, так как обычный срок заключения – пять лет или больше. Кроме того, мы знали точно, когда мы выйдем на свободу. Правительство нередко манипулирует заключенными, изменяя сроки наказания: они могут отодвинуть дату освобождения или не называть ее вовсе. Для меня и Патрика спасением было то, что нас поддерживала крупная правозащитная организация. Большинство заключенных не имеет ни помощи снаружи, ни известности, поэтому для общества их не существует. Мы с Патриком решили использовать собственное привилегированное положение, чтобы рассказать о происходящем за тюремными стенами и поддержать многих достойных людей, которых там встретили.

Повторюсь, мы были арестованы за участие в протестных акциях (многие до сих пор уверены, что в США за подобные вещи не сажают; это один из множества мифов, популярных в среде активистов), если точнее, нас обвиняли в незаконном проникновении на военную базу Форт Беннинг в рамках ежегодного ноябрьского протеста против *School of the Americas* – военного института, который обучает латиноамериканских офицеров тактикам войны против повстанцев; эта организация имеет прямое отношение к большинству зверств и нарушений прав человека на территории Северной и Южной Америк. При этом Форт Беннинг является открытой базой: там проживают гражданские семьи, подрядчики каждый день ездят туда на работу. Суть обвинения была следующей: проникновение и присутствие на базе не запрещено, но в то же время акции протеста или соответствующие выступления на базе проводить нельзя. Мы все признали, что находились на территории Форт Беннинг, однако прокурорам еще требовалось доказать, что мы выступали с критикой присутствовавших там военных. Политический характер этого судебного разбирательства был для всех очевиден. И, разумеется, большинству заключенных, повстречавшихся нам, нетрудно было поверить, что мы арестованы из-за нашей борьбы за справедливость: они отлично знают, на что способно правительство ради достижения собственных целей.

---

² Данный текст является стенограммой упомянутых семинаров. – Прим. пер.

Кто и за что попадает в тюрьму

Важно понять, кто подразумевается под теми «типичными» заключенными, о которых так часто говорят. Вопреки распространенному стереотипу, большинство заключенных – отнюдь не «отъявленные убийцы и рецидивисты». В тюрьмах в основном сидят представители нацменьшинств, бедняки, люди, не совершавшие преступлений, связанных с насилием. Немного наглядной статистики. Так называемые «цветные» составляют около четверти всего населения США, доля их присутствия в американских тюрьмах составляет 65%; 44% от общего количества заключенных – «черные». При этом большинство сотрудников пенитенциарных учреждений (около 65%) – представители белой расы. Более 75% попавших за решетку людей не смогли позволить себе адвоката и пользовались во время суда услугами защитника, предоставленного государством. 64% тюремных заключенных в 1996 году имели ежемесячный доход ниже прожиточного минимума, 36% были безработными. 70% из тех, кто был приговорен на отбывание срока в 1998 году, осудили за ненасильственные преступления. В некоторых штатах многие заключенные продолжают находиться в тюрьмах из-за нарушения условий, соблюдение которых необходимо для досрочного освобождения. Лишь немногие из них – «убийцы и насильники». Многие заключенные, осужденные за насильственные преступления – психически больные люди, не имевшие доступа к необходимому им лечению. Количество людей, отбывающих срок в федеральных тюрьмах за нарушение иммиграционных правил, больше, чем количество оказавшихся там за иные провинности.

Хотя большинство заключенных – мужчины, одной из самых быстрорастущих групп заключенных являются «цветные» женщины. 80% женщин, сидящих в тюрьмах, являются матерями.

Ниже в этой книге будут приведены в качестве примеров несколько обобщенных биографий встретившихся нам заключенных, так что читатель легко сможет поставить себя на их место. Двадцать представителей тюремного населения США, о которых мы расскажем, отобраны по следующим параметрам: раса, пол, вид преступления, срок заключения, доступ к адвокату, проблемы со здоровьем.

1. Вы белая женщина, осуждены на три года за посредничество в распространении наркотиков (ваш друг продавал метамфетамин). Вы были не в состоянии позволить себе адвоката, и в суде вас представлял государственный защитник. В местах несвободы, в которых вы отбываете срок, вас неоднократно насильно охранил охранник. Вы забеременели, и ваш ребенок, родившийся в тюрьме, был отдан в государственный приют. У вас нет среднего образования.

Судебный расизм

Друзья, близкие, учебные заведения, средства массовой информации – все они убеждают нас не критиковать государство. Неважно, касается ли это тюремной системы или войны в Ираке, – мы не имеем права на критику, пока делаем вид, что государство действует исключительно из благих побуждений. Можно сказать, что

«политика апартеида в Южной Африке была расистской», потому что это утверждение легко подтвердить фактами. Но стоит лишь намекнуть, что система уголовного правосудия в США – расистская, как будешь обвинен в конспирологии и замолчишь, независимо от существования какого угодно количества бесспорных фактов. Но если это правда, мы обязаны говорить об этом. Поскольку тюремной системе США совершенно не уделяется внимание в СМИ, правительство не считает нужным объяснять, почему большинство заключенных – «цветные». Этот вопрос требует внимательного разбирательства. Какой вывод можно сделать из того факта, что США изолирует в 8 раз больше чернокожих мужчин, чем правительство времен апартеида в Южной Африке?

Несомненно, судебная система США предвзята с расовой точки зрения. Вероятность хоть раз оказаться в заключении у чернокожего мужчины – 32%, у латиноамериканца – 17%, тогда как у белого мужчины – всего 6%. Так, коренные народы Америки при незначительной численности имеют самое большое количество заключенных на душу населения.

Почему же «цветные» представители американского народа оказываются за решеткой чаще? СМИ поощряют такого рода дискриминацию, делая из представителей национальных меньшинств «прирожденных преступников». Даже те, кто пытается избегать расистских объяснений по поводу этого несоответствия, зачастую оправдывают государство тем, что «цветные» предрасположены к попаданию в криминальную среду из-за проживания в бедных районах. Но для государства деление идет не по социальному признаку, а именно по расовому. «Черные», например, составляют лишь 14% от общего количества ежемесячных потребителей наркотиков в стране, но при этом 60% всех осужденных за наркотики составляют афро-американцы.³

2. Вы белый мужчина, остались в тюрьме за нарушение правил условно-досрочного освобождения, после того как отсидели шесть лет за кражу. Вы полностью признали вину и были приговорены еще до встречи с адвокатом. У вас нет среднего образования.

Кроме того, у чернокожего убийцы намного больше шансов быть осужденным на смертную казнь. Из всех несовершеннолетних, которых направляют во взрослые тюрьмы, 60% – черные и лишь 19% – белые (по данным *prisonsucks.com*). Представьте, что будет с ребенком, какой «урок» он получит, если вместо исправительного учреждения для несовершеннолетних будет отправлен в обычную тюрьму.

Судебный расизм поощряется и применяется по многим причинам. Многие полицейские сами расисты. Кроме того, руководство полиции, а также большинство политиков, занимающих управляющие должности на уровне города, штата и страны, чаще всего белые. Поэтому они скорее закроют глаза на противоправные действия по отношению к беднякам и цветным, чем по отношению к таким же, как они. Расовый компонент присутствовал в органах правопорядка всегда, начиная с «рабских патрулей» на Юге⁴ и заканчивая городскими патрулями, которые следили за бедными

³ Paul Wright, Tara Herivel, «Prison Nation».

⁴ Буквальный перевод англ. «slave patrols» – организованных групп из трех-шести белых мужчин, которые следили за черными рабами в южных штатах США: они контролировали работы на плантациях,

иммигрантами на Севере.⁵ Именно наличие в этой стране расового неравенства и дискриминации заставляет цветных людей бороться за перемены, развивается антагонизм между общинами национальных меньшинств и полицией, чья работа заключается в поддержании порядка. Вместо дружественных офицеров (обычное явление в белых пригородах) в гетто и латиноамериканских кварталах действуют вооруженные до зубов военизированные полицейские силы. Законодательные органы также зачастую прикрывают собственный расизм законами о борьбе с наркотиками. Сравните культурные и правовые значения кокаина и крэка. Оба препарата схожи по своему действию, кокаин даже немного сильнее. Но кокс при этом считается клубным наркотиком, препаратом для элиты и рок-звезд, который, по некоторым сведениям, предпочитал даже бывший президент США Джордж Буш. Среди «крутых» моего города также принято употреблять именно кокс. Крэк, с другой стороны, считается гетто-препаратом, для бедных и черных. Минимальный срок, предусмотренный за хранение пяти граммов крэка – около пяти лет, но чтобы сесть на этот же срок с кокаином, нужно попасться с полукилограммом.

3. Вы белый мужчина, у вас серьезные психические расстройства. Вы остались в тюрьме за нарушение правил условно-досрочного освобождения, после того как отсидели восемь лет за нападение. Вас защищал государственный адвокат. Вы были изнасилованы группой других заключенных, вас продавали как сексуальную «собственность». У вас нет среднего образования.

Несмотря на все доказательства существования судебного расизма, мы не в состоянии сделать очевидные выводы. В 1987 году Верховный суд постановил на основании дела «МакКлески против Кемпа», что статистические данные, подтверждающие наличие расизма при вынесении приговоров и применении смертной казни, не могут рассматриваться в суде, поскольку такие доказательства, «если будут признаны справедливыми, ставят под серьезное сомнение те принципы, которые лежат в основании всей нашей системы уголовного правосудия», из чего следует: если факты указывают на то, что система не работает, то, считает правительство, такие факты должны быть проигнорированы.

Условия в тюрьме

Тюрьма – отстой. Никто не должен попадать туда. А кто говорит, что заключенные избалованы, тот или не знает, о чем говорит, или лжет.

4. Вы белый мужчина, осуждены на четыре года за хранение и распространение марихуаны. Вы были изнасилованы сокамерником. Когда вы пожаловались на это тюремному персоналу, вам ответили, что «ссоры влюбленных» никого не интересуют, и изнасилования продолжились.

охотились на беглых рабов, калечили и убивали их. Первые патрули были созданы в Южной Каролине в 1704 году, после чего распространились по всему югу Америки; считается, что полиция США как институт берет начало именно с таких патрулей. – Прим. пер.

⁵ Kristian Williams, «Our Enemies in Blue».

Начнем с того, что тюрьма опасна для здоровья. Лишение свободы на любой срок может стать для заключенного смертным приговором. Срок в 20 лет уменьшает продолжительность жизни на 16 лет.⁶ Заключенные не имеют доступа к медицинской помощи, солнечному свету и здоровому питанию. Результатом моего кратковременного тюремного заключения стали проблемы со здоровьем, которые никуда не делись спустя годы. Многие заключенные вынуждены работать в токсичных и опасных для жизни условиях (причем никакой возможности избежать этого нет). Мы с Патриком встретили множество заключенных, которые были тяжело травмированы на своих рабочих местах. При этом нерегулярная медицинская помощь зачастую используется тюремными властями как механизм давления. В некоторых тюрьмах (обычно в частных) ставятся медицинские опыты. Принудительные эксперименты являются незаконными, но тюремные власти принуждают отдельных эзков становиться «добровольцами» в обмен на полный спектр медицинских услуг и контроль над медицинскими учреждениями на территории тюрьмы, что, в свою очередь, ограничивает остальных заключенных в доступе к медицинской помощи.

Еще одним следствием слабой системы здравоохранения является развитие у заключенных лекарственно-устойчивых штаммов ВИЧ. Когда ВИЧ-инфицированные заключенные получают неконтролируемый доступ к препаратам, они неверной дозировкой только развивают вирус, что становится для них смертельным приговором и является нарушением прав человека, а также угрозой для всего общества. Среди зараженных СПИДом в США более чем четверть – вышедшие из тюрьмы, среди зараженных туберкулезом – 35%.

По этим причинам погибает значительное число заключенных. В Техасе, где находится вторая по величине тюремная сеть в стране, число умерших от проблем со здоровьем в 14 раз больше, чем приговоренных к смертной казни и расстрелянных. Большинству из тех, кто умер в местах лишения свободы в 1990-е годы, было от 30 до 49 лет – расцвет жизни. В 1998 году нетюремные врачи обнаружили, что треть умерших заключенных получали «плохую» или «крайне плохую» медицинскую помощь; среди них были люди, умершие от голода, обезвоживания или антисанитарии.

В 2000 году исследователи из Техасского университета обнаружили, что черные женщины и мужчины реже получали передовые лекарства, чем белые заключенные. Окружной судья США в решении 1999 года заявил, что, «исходя из законов, принятых на данный момент, стандарты позволяют бесчеловечное обращение с заключенными» (по данным www.utwatch.org/prisonhealthcare.html). Пока заключенные страдают и умирают от плохого медицинского обслуживания, частные корпорации, имеющие контракты на оказание медицинской помощи, делают на этом огромные деньги. Одна компания, *Correctional Medical Services (CMS)*, контролирует 40% тюремного медицинского рынка. В 1998 году после пяти месяцев расследования издание *St. Louis Post-Dispatch* выявило, что *CMS* преуспела в сокращении расходов на заключенных, но при этом по крайней мере 20 заключенных погибли в результате недосмотра или халатности. Департамент исправительных учреждений штата Вирджиния недавно оштрафовал *CMS* на 1 млн долларов за пренебрежительное отношение к охранительной системе в колонии штата Уолленс-Ридж. Но даже когда бюджеты,

---

⁶ Ira J. Silverman, Manuel De Vega, 1996

выделенные на финансирование тюремных систем, были подняты, тюремные власти сумели сократить расходы на здравоохранение с помощью приватизации услуг. Частные подрядчики помогли снизить затраты и превратить большую часть выделенных денег в собственную прибыль, а уровень медицинского обслуживания не только не улучшился, но стал только хуже.

Кроме физического здоровья тюрьма подрывает моральное здоровье человека.

5. Вы белый мужчина, у вас злокачественная раковая опухоль. Вы осуждены на пожизненное заключение за убийство. Вы были не в состоянии позволить себе адвоката, и вам предоставили государственного защитника.

Заклученные живут в изолированной, жестокой и унижительной среде, где администрация пытается подчинить их, запрограммировать на беспрекословное повиновение. Тюремные власти воспринимают заключенного как порядковый номер, как неодушевленный предмет, поэтому готовы изводить или при необходимости жестоко пресекать любые попытки сопротивления. Заклученные не имеют доступа к нормальному образованию или какому-либо другому виду умственной деятельности, отрезаны от своих семей и близких: они не получают никакой эмоциональной поддержки, находясь при этом в совершенно негуманных условиях. Клеймо «преступников» и «злодеев» постоянно давит на них, но при этом никаких возможностей для собственной реабилитации у заключенных нет. Те немногие, кому удастся использовать время, проведенное за решеткой, для работы над собой, делают это назло тюрьме, а не благодаря ей.

Самой суровой формой тюремного заключения являются одиночные камеры – крошечные комнаты 3 на 2 метра или даже 2 на 1,5 метра. Мой друг только что получил письмо от заключенного, отсидевшего двенадцатилетний срок в одиночной камере в тюрьме строгого режима штата Вирджиния. Иногда попавшего в одиночную камеру подвергают сенсорной депривации с помощью погружения в полную темноту, или депаттернингу⁷ с помощью постоянно включенного искусственного освещения, из-за которого невозможно уснуть и теряется ощущение времени (кстати, оба этих метода изначально использовались в качестве пыток). В нередких случаях заключенные, попавшие в одиночные камеры – это задержанные за неповиновение или политические активисты. Я сам сидел в подобном изоляторе федеральной тюрьмы Атланта лишь потому, что заключенные на время следствия считаются особо опасными преступниками. В течение 21 дня я был заперт в комнате размером 2 на 2 метра с двухъярусной кроватью, туалетом и раковиной. Пять раз в неделю нас водили в большой тренажерный зал, где был доступ к свежему воздуху, три раза в неделю нас пускали в душ, а еду мы получали раз в день, выстроившись с лотками возле наших камер. Каждый день мы 23 часа проводили в своих клетках, а в выходные – все 24, в одной камере могло находиться до трех человек. Через неделю моего пребывания в одиночной камере лампа на потолке начала мерцать, но просьбы починить ее ни к чему не привели: она то вспыхивала, то гасла все оставшееся время.

---

⁷ Англ. «depatterning» – разрушение паттернов долговременной памяти. – Прим. пер.

Но я пробыл там всего 23 дня. А один из тех, с кем меня переводили из тюрьмы округа Крисп, прибыл в Атланту на 22 года. Два десятилетия ему дали просто за наркотики, и это после сделки со следствием: он признал себя виновным в обмен на смягчение приговора.

6. Вы белый мужчина, отбываете пять лет за изнасилование. Вы были не в состоянии позволить себе адвоката, вам предоставили государственного защитника. Вы не окончили среднюю школу.

Тюрьмы все чаще используются для изоляции душевнобольных, в то время как их количество в специализированных клиниках сократилось на 90% из-за недостаточного финансирования. Людей, которые понастоящему нуждались в помощи общества, сначала выгнали на улицу, а оттуда просто отправили в тюрьму. В 1999 году за решеткой было в три раза больше психически больных, чем в больницах (согласно отчету *National Alliance on Mental Illness* за 1999 год).

Тюрьма жестока. Некоторые тюремные охранники – порядочные люди, которым просто нужна работа, но многие из них садисты и расисты, которым нужна власть над другими. В конечном итоге не так важно, насколько хороший или плохой человек охранник, потому что его работа – быть жестоким и поддерживать порядок, а если он не справляется со своей задачей, то будет уволен, а его место займет тот, кто справится. Например, в окружной тюрьме Маскоги нам встретился охранник, который сказал, что уважает то дело, за которое мы были арестованы, и неоднократно извинялся за свое положение, оправдываясь только одним: «Это просто работа». Но когда другие заключенные в той же тюрьме попытались сопротивиться тому, что их фотографируют и берут отпечатки пальцев, он вынужден был помочь остальным охранникам, откровенным идиотам, побоями принудить непокорных заключенных к подчинению. В колонии округа Камберленд среди персонала было несколько порядочных людей (одного из них в конечном счете уволили), но подавляющее число сотрудников все равно не считает заключенных за людей. Многие охранники, позиционирующие себя расистами, даже носят соответствующие татуировки – чтобы напоминать окружающим о своих убеждениях.

В 1988 году апелляционный суд пятого федерального округа признал, что условия содержания в одной из федеральных тюрем «жуткие, отвратительные, негигиеничные и крайне угнетающие», но это не является нарушением конституционных прав заключенных, так как все это необходимо для «безопасности». Представьте себе, сколь мало значат человеческие права, когда все вокруг одержимы «безопасностью», и тогда вы начнете понимать, что такое быть заключенным или даже просто гражданином в государстве, главная цель которого – охрана самого себя.

7. Вы белый мужчина, осуждены на год заключения в федеральной тюрьме за банковские махинации.

В марте 1999 года федеральный суд признал факт «неоправданного применения силы» тюремными надзирателями, «садистского, злонамеренного насилия» по отношению к заключенным. Согласно ежегодному всемирному отчету *Human Rights*

Watch, в 2000 году избиения и изнасилования заключенных были обычным делом среди тюремного персонала. Сексуальное домогательство на зоне (хоть и является не менее актуальной проблемой и за ее пределами) также представляет серьезную угрозу: охранники в тюрьмах склонны игнорировать подобные происшествия, а зачастую даже запугивают им заключенных. В тюрьме округа Крисп, после того как я разозлил охранников, отказавшись выполнить задание, опасное для моего здоровья, меня обещали переселить в камеру к ребятам, способным на изнасилование. Судебная система одобряет использование охранниками насилия в качестве инструмента давления. В 2005 году суд вынес решение в пользу руководства одной техасской колонии, постановив, что они не несут ответственности за заключенного, которого неоднократно насиловали и сделали сексуальным рабом. Но пренебрежением тюремные охранники не ограничиваются. За последнее десятилетие в Калифорнии, имеющей самую крупную государственную пенитенциарную систему, были застрелены 39 заключенных, ранены еще 200, но ни в одном из этих случаев не были выдвинуты обвинения против применивших оружие охранников.

Истории заключенных

На протяжении всего текста можно встретить короткие истории заключенных, повстречавшихся нам с Патриком мы рассказываем о них, чтобы не казаться голословными и подтверждать примерами приводимую нами статистику. Ведь в современном обществе принято все обобщать: вы видите статистику или «объективную, непредвзятую» информацию и уже готовы подписывать петиции и заявления. Мы же хотим, чтобы вы поняли, кто эти люди, прямо сейчас угнетаемые в местах лишения свободы, и боролись за них.

У Патрика есть знакомый, Боб, который, будучи заключенным, получил гражданскую работу. Во многих тюрьмах общего режима практикуются общественные работы на гражданке – в первую очередь, чтобы пускать пыль в глаза. В случае с Бобом несколько заключенных помогали благотворительному фонду строить дома. Боб прошел программу отказа от наркотиков, за это ему сократили срок на год. За несколько недель до освобождения во время работ на стройке он упал с балкона и сломал ногу. Перелом был открытый, Боб истекал кровью. К счастью, ответственными за стройку были работники благотворительного фонда, а не тюремная администрация: они поступили по-человечески и отправили пострадавшего в больницу. Уже из больницы представительница фонда позвонила в тюрьму и рассказала о случившемся. Те пришли в ярость и потребовали немедленно вернуть Боба обратно в тюрьму (до которой было около часа езды). Врач отказался подчиниться, понимая, наверное, что по дороге Боб умрет от потери крови, и прооперировал его. Тюремная администрация вытащила Боба из общественной больницы еще до того, как он поправился, и отправила в собственную санчасть только для того, чтобы помешать ему вернуться в реабилитационный центр и оттуда выйти на свободу (подобные заведения вправе принимать только тех, кто абсолютно здоров). В результате Боб, вместо того чтобы провести в более благоприятных условиях последние две недели заключения, остался в тюрьме еще на целый год.

8. Вы индеец, страдаете от недиагностированной хронической болезни печени. Вы находитесь в тюрьме по причине несоблюдения условий досрочного освобождения после отбытия двух лет за нарушение общественного порядка. Вы признали свою вину, приговор был вынесен до вашей встречи с адвокатом.

Колония округа Харрис в штате Джорджия была переполнена, поэтому меня разместили в крыле, предназначенном для иммигрантов. Там я встретил одного парня по имени Альберто, который научил меня немного говорить по-испански, а я его – по-английски. Альберто провел несколько лет в тюрьме штата за торговлю наркотиками, но в день освобождения иммиграционные службы арестовали его за нарушение условий пребывания в стране и оставили за решеткой дожидаться депортации. Проблема была в том, что Альберто – гражданин Кубы, а США не депортируют в эту страну. В то же время власти не могли просто выпустить его, так как по всем правилам должна была произойти депортация. В результате он в течение года находился в подвешенном состоянии, не понимая, сможет ли вообще когда-нибудь выйти на свободу. Такое решение нашло правительство США в отношении граждан, которые не имели права ни остаться в стране, ни быть возвращенными на свою родину – тюремное заключение.

Еще один парень, с которым познакомился Патрик во время своей отсидки, Тит, сидел на тот момент уже долгое время, вся его семья погибла. У него не было ни друзей, ни денег, ни связей. Чтобы подготовить Тита к жизни на воле после более чем 10 лет заключения, тюремная администрация показала ему 20-минутный фильм о том, как снова начать жить на свободе. После освобождения его перевели в реабилитационный центр, однако, согласно правилам, находиться в нем можно было не больше месяца. Патрик спросил Тита, что тот собирается делать, когда разрешенные 30 дней подойдут к концу, и тот ответил, что сразу отправится в приют для бездомных и останется жить там.

9. Вы мужчина, родившийся в Латинской Америке, незаконно эмигрировавший из Мексики в США, из-за чего угодивший в тюрьму. Вы не знаете, когда будете освобождены или депортированы, вы не уверены, что это вообще произойдет. Вы были не в состоянии позволить себе адвоката, и вам предоставили государственного защитника. У вас нет среднего образования.

Протестующие, вместе с которыми я был арестован в ходе акции в Форт Беннинг, рассказали мне о том, что произошло в тюрьме округа Крисп спустя несколько дней после моего выхода на свободу. Несколько камер захлестнула эпидемия педикулеза, в том числе ту, в которой сидел Тони, наш соратник. Однажды после прогулки один заключенный отказался вернуться в кишашую вшами камеру. Охранники избивали его, применив то ли перцовый аэрозоль, то ли слезоточивый газ. Они использовали так много химического вещества, что у заключенных в соседних камерах начались приступы удушья. Самого же провинившегося вообще заперли в камере без вентиляции. Этот человек задохнулся и умер. СМИ дословно перепечатали показания тюремной администрации, согласно которым заключенный умер от «естественных причин» в медицинском крыле тюрьмы. В тюрьме округа Крисп нет медицинского крыла.

Как тюремные власти поддерживают контроль

Вскоре после того как Патрик попал в колонию округа Камберленд, администрация создала «вече». Это придуманный персоналом тюрьмы эвфемизм, который означает общий сбор заключенных – общий, чтобы удобно было наорать на всех разом. Главного администратора этого учреждения звали миссис Крамп (честное слово)⁸, она с наслаждением издевалась над людьми. Поскольку присутствовало много новых заключенных, первыми словами, слетевшими с ее уст, были: «Господа, не стоит ждать здесь реабилитации, считайте, что вы попали на склад длительного хранения!».

Когда я прибыл в колонию округа Камберленд, миссис Крамп провела с группой вновь прибывших сеанс «ориентации». С особенным удовольствием она рассказывала о том, как тюремным властям пришлось впервые вооружить персонал, чтобы подавить беспорядки. Она сравнила этот случай с недавними жалобами заключенных на избиения и заявила, что предпочла бы всегда использовать оружие, поскольку «мертвые сказок не сочиняют».

10. Вы мужчина, выходец из Латинской Америки. Вы отбываете девятилетний срок по обвинению в нападении. Вы не могли позволить себе адвоката, и в суде вас представлял общественный защитник. У вас нет среднего образования.

Писатель Деррик Дженсен приводит слова администратора тюрьмы, который пытается убедить его, Дженсена, работать полный рабочий день на объекте, где тот давал уроки правописания заключенным. Дженсен отказывался, потому что ему нужно было время для работы над своей книгой. На это администратор отвечал, что Дженсен успеет все написать, когда будет введен режим строгой изоляции. «А что если он не будет введен?» – «Это легко исправить, – заверяет сотрудник тюрьмы. – Нужно всего лишь подойти к Томасу и сказать: „Не поверишь, какое дерьмо говорил про тебя Холлингсхед“. Потом подойти к Холлингсхеду и сказать: „Там Томас говорит, что ты девчонка и что он хочет тебя изнасиловать“. В следующий раз во время прогулки один из них всадит заточку в другого, вот тебе и изоляция» (Derrick Jensen, «A Culture of Make Believe», стр. 43).

11. Вы мужчина, выходец из Латинской Америки, с серьезным психическим заболеванием. Вы отбыли семь лет за хранение наркотиков и сели вновь за нарушение во время испытательного срока. Вы не могли позволить себе адвоката, и в суде вас представлял общественный защитник.

Бывший арестант рассказывает изданию *Christian Science Monitor*: «Число заключенных многократно превышает число охранников, так что сотрудникам тюрем выгодно придерживаться принципа „разделяй и властвуй“. Охранникам важно отвести любые волнения от себя в сторону других людей». Надзиратель из Сан-Франциско, рассказывая о тюремных бандах в эфире NPR, подтвердил существование этой политики: «Если вы офицер и должны контролировать 200 человек на уровне, вам намного

---

⁸ Англ. «crump» – сильный удар, падение, взрыв, а также звуки, сопровождающие эти явления. – Прим. пер.

проще, если уровень разделен на пять враждующих фракций... так что во многих учреждениях персонал поощряет такого рода вещи».

Власти используют различные методы для поддержания контроля в тюрьме. Как уже упоминалось, персонал там поощряет расизм, чтобы не давать заключенным скооперироваться. У расизма есть множество внешних причин, но многие попавшие в колонию утверждают, что они «были вынуждены» стать расистами именно на зоне.

12. Вы черный мужчина, страдающий от болезни сердца. Вы отбываете четырнадцатилетний срок за хранение и распространение героина. Вы не могли позволить себе адвоката, и в суде вас представлял общественный защитник.

Мы с Патриком много раз слышали, как белые охранники делали расистские комментарии, предостерегая белых заключенных от общения с черными, использовали расовые предубеждения для осуществления контроля над белыми («Сейчас посажу тебя в камеру с кучей негров, ох, как ты им понравишься!» и т. п.). Тюремные банды также являются частью этой стратегии. Многие заключенные вступают в банды ради статуса или желая увеличить свои шансы на выживание, часто банды организуются по принципу расовой принадлежности («арийские» банды, черные банды, мексиканские банды и т. д.). Любопытно, что тюремные власти очень быстро подавляют и уничтожают политически активные или революционные банды, но расистские всегда процветают. В некоторых ситуациях, когда расистские группировки становятся настолько мощными, что начинают конкурировать с тюремным персоналом, начальство принимает жесткие меры, чтобы изолировать их лидеров или защитить людей, пытающихся покинуть банду, но сама структура и микрокапиталистическая культура, которые их порождают, остаются нетронутыми.

Для поддержания контроля власти также используют контрабанду. Арестанты живут в плохой, бедной среде, поэтому вполне логично, что они станут нарушать правила, чтобы пронести запрещенные предметы в учреждение. Заключенные разработали множество гениальных средств для контрабанды, но нелепо утверждать, что весь неофициальный оборот в тюрьме происходит без ведома персонала. На самом деле охранники и администрация – основной пропускной пункт контрабанды. Надзиратели могут зарабатывать на этом черном рынке, а также поддерживать контроль, перекрывая одним группировкам доступ к потокам запрещенных товаров и отдавая предпочтение другим, более сговорчивым.

Тюремные власти могут создать атмосферу недоверия и не допустить самоорганизации заключенных с помощью «стукачей», информаторов, которые предают сокамерников и сообщают администрации об их планах, агитации или нарушении правил.

Многие люди сидят в первую очередь потому, что их кто-то сдал. Используя истеричную риторику «жесткой борьбы с преступностью», правительство законодательно закрепляет совершенно бесчеловечные наказания: вы можете получить пожизненное заключение за участие в сговоре с целью хранения запрещенных веществ, а прокуроры и полицейские запугивают десятками лет тюремного заключения людей, если они отказываются кого-то сдавать.

13. Вы чернокожий мужчина, страдающий от тяжелого психоза. Вы ожидаете смертной казни за убийство. Вы не могли позволить себе адвоката, и в суде вас представлял общественный защитник. У вас нет среднего образования.

В созданной атмосфере недоверия тюремные власти могут изолировать (иногда со смертельным исходом) политически активных заключенных, распространяя слухи, что они стукачи. Навешивание ярлыков – лишь одна из многих тактик, разработанных в пенитенциарной системе и широко применяемых полицией в так называемом свободном мире в отношении непокорных групп населения (например, чернокожих). Власти также предоставляют или отбирают те или иные привилегии. Например, в тюрьме возможность поговорить с родственниками по телефону или поздравить своих детей с днем рождения – это привилегии, которые можно отобрать у заключенного, если он ведет себя непокорно. Большое значение имеет право смотреть телевизор. Некоторые консервативные политики и журналисты высказывали мысль, что тюремная система балует заключенных, потому что у них есть цветные телевизоры. Я готов держать пари, что большинство тюремных надзирателей скорее отказались бы от своих дубинок и слезоточивого газа, чем от такого полезного инструмента управления как телевизор. Он умиротворяет и отвлекает заключенных, парализует их умы. Однажды, когда охранники били кого-то в соседней камере, я подошел к двери, чтобы посмотреть. Они немедленно направили свой гнев уже на меня (обычно они становятся очень жестокими в ответ на любое проявление солидарности между заключенными) и сказали не лезть не в свое дело. Я проигнорировал это замечание, но они сразу сообщили десятерым моим сокамерникам, что заберут из камеры телевизор, если я не подчинюсь. Кроме того, охранники могут лишать продовольственных привилегий; также нередко привилегией считается и доступ к медицинской помощи.

Для самых непокорных заключенных предусмотрено одиночное заключение, которое на самом деле следует понимать как одну из разновидностей пыток. Другой их разновидностью является «дизельная терапия», ее используют в федеральных исправительных учреждениях по всей стране. «Дизельной терапией» называют постоянные переводы непослушного заключенного. Для людей, не сидевших в тюрьме, это вряд ли покажется пыткой. Цель процедуры – длительное нахождение человека в состоянии психологического стресса и нестабильности. Чтобы понять, как это работает, поясню, что значит «перевод». На всех этапированных заключенных распространяются правила безопасности для особо опасных преступников. Однажды, часа в четыре утра, когда вы спите, ваша камера открывается, и раздается крик охранника: «Гелдерлоос! Собирайся! Тебя переводят! Возьми матрас! Давай быстрее, не заставляй меня повторять!» Дезориентированных заключенных загоняют в другую комнату, где их оставляют на полчаса, чтобы они могли подумать о том, куда их отправляют, о письмах, возвращенных близким, которые узнают о вашем переводе не раньше, чем через неделю после того, как вы прибудете на новое место. Тогда охранник возвращается и начинает выкрикивать имена заключенных: услышав свое, необходимо назвать в ответ личный номер. После переключки заключенных строят в очередь. На них надевают кандалы и наручники, пристегивают к цепи, опоясывающей талию. Всякого бунтующего ждет «черная коробка»: наручники пристегиваются

к талии не цепью, а небольшим черным замком, который вообще не позволяет двигаться рукам и держит запястья постоянно изогнутыми под углом 45 градусов. Скovaných узников помещают в тесную камеру временного содержания и забывают о них на несколько часов. Оттуда их могут еще раз перевести или снова оставить на час. Затем арестантов раздевают и подвергают досмотру («Повернись. Подними левую ногу. Подними правую ногу. Наклонись. Раздвинь ягодицы. Покашляй. Повернись вокруг. Подними мошонку...» и т. д.) Затем их заставляют сменить униформу учреждения на новую. Все эти действия сопровождаются криками и угрозами. Заключенных многократно заставляют повторять свои номера. Потом их переводят в следующую камеру. Их снова и снова перемещают из одного помещения в другое, каждый раз проводя через несколько контрольнопропускных пунктов и вынуждая ждать. Затем заключенных грузят в тюремный автобус с вооруженными дробовиками охранниками за металлическими решетками, отвозят в аэропорт и оставляют ждать на взлетной полосе в течение двух часов, в жару или холод. Их сажают на самолет после очередной переклички. Самолет куда-то летит, но им не положено знать куда, и после приземления людей сажают на другой тюремный автобус с тонированными стеклами и вооруженными охранниками. Они могут даже не знать, в каком они штате. Заключенные приезжают в новую тюрьму, проходят дополнительные приемники-распределители, с дополнительными обысками, раздеванием, снятием отпечатков пальцев, фотографированием и допросами, после чего наконец с них снимают кандалы и оставляют в камере в ожидании распределения. После двенадцати часов их лодыжки и запястья немеют и опухают. На следующее утро или через пару дней, а может, через неделю вся процедура повторяется, снова и снова, в течение нескольких месяцев, пока человек не сломается.

14. Вы чернокожая женщина, отбываете четыре года за заговор с целью хранения наркотиков. Вы не могли позволить себе адвоката, и в суде вас представлял общественный защитник. На воле у вас осталось трое детей.

Тюремные надсмотрщики сами избивают арестованных или договариваются с авторитетами. В тюрьме округа Крипп, когда я разозлил охранников, они впустили в мою камеру другого заключенного, и он пытался запугать меня прямо на глазах у представителей закона. В общем-то надзирателю ничего не будет, даже если он убьет заключенного. Нас приучают думать лишь о собственной безопасности и доверять полицейским, а не беспокоиться о жизнях преступников. Если охранник убьет заключенного, об этом не расскажут в СМИ и прокуратура не станет им заниматься.

15. Вы чернокожий мужчина, отбывающий девятнадцатилетний срок за разбой. Вы не могли позволить себе адвоката, и в суде вас представлял общественный защитник. У вас нет среднего образования.

Контроль над заключенными в тюрьмах общего режима

Тюрьма общего режима – особый случай: здесь заключенных не удерживают силой, и, в принципе, они могут сбежать в любой момент. Как же тюремное начальство

поддерживает контроль в таких условиях? В первую очередь, заключенным просто невыгодно бежать, потому что с попыткой побега срок увеличивается на пять лет, а в тюрьме общего режима отбывают сроки не больше десяти лет. Вообще за нарушения правил лишают всех тюремных привилегий: доступа к телефону и продовольственному магазину, телевизора, свиданий, работы – хорошей или плохой; за провинности посерьезнее заковывают в наручники и сажают в карцер. Зачастую тюрьмы общего режима организуют рядом с тюрьмами строгого, поэтому для заключенного всегда существует угроза отправиться обратно «за забор».

16. Вы чернокожая женщина-трансгендер, которую держат в мужской тюрьме. Вы отбываете шестилетний срок за хранение и распространение марихуаны. Вы не могли позволить себе адвоката, и в суде вас представлял общественный защитник. Вас насильовали другие заключенные. У вас нет среднего образования.

Есть у полицейских и более тонкие методы для поддержания контроля. Обстановка в тюрьме общего режима еще более гнетущая, чем в тюрьме строгого режима, где заключенных ни на минуту не оставляют в покое. Тут они просто целый день работают, а в свободное время могут разве что смотреть телевизор. В колонии насаждают армейские порядки: требуют, чтобы все рано вставали, идеально заправляли постель, носили всегда опрятную, на все пуговицы застегнутую форму, стояли во время проверки в камере и обращались к администрации и надзирателям как подчиненные. Правила тюремной жизни часто друг другу противоречат, поэтому надо вести себя абсолютно безукоризненно, чтобы не нарушить ненароком одно из них – как и на свободе, впрочем. На деле это означает, что полицейские могут наказывать кого хотят. Примеров взаимоисключающих правил в тюрьмах можно привести сколько угодно: в Камберленде на стенах висели таблички с правилами, причем многие из них давно устарели, а некоторые по устному приказу нужно было игнорировать. Например, на одной из дверей в комнате отдыха была табличка «Вход воспрещен», но в некоторые части здания невозможно было попасть иначе, чем через эту дверь. В тюремном своде правил могло быть написано одно, а надзиратели говорили другое. Или, например, миссис Крамп могла наорать на заключенных, чтобы те не тратили столько денег в продуктовом магазине, и в то же время устроить распродажу сигарет, принуждая их делать покупки. Из-за того что все указания друг другу противоречат, заключенные не могут понять, на что же они все-таки имеют право, и не могут оспорить свое положение. Безопаснее всего для них держаться середины, демонстрировать полную покорность и отступить от всех прав. К такому же выводу приходят и люди, которым приходится защищать свои права в борьбе с полицией на свободе.

Тюрьма на свободе

В тюрьме я сделал интересное открытие: очутившись там впервые, я обнаружил, что ничто мне не внове. Мы с Патриком заметили поразительное сходство между отношениями в заключении и на свободе (например, с полицией, учителями, чиновниками или родителями). Очевидно, что люди на зоне несвободны. Но если вне

тюрьмы мы свободны, разве не должны мы были ощутить некоторый качественный сдвиг, почувствовать несвободу как новое, ранее не известное нам состояние? На все институты в нашем обществе сильно повлияли полиция и тюрьма. В государстве, помешанном на безопасности, полицейские выступают в главной роли, доминирующими отношениями во всем обществе становятся отношения полицейский – гражданин. Другими словами, цель государства – удержать силу и власть на своей стороне. Неважно, демократическое перед нами государство или какое-либо другое – все они равно стремятся к самосохранению, к продлению себя; элита использует тюрьму как лабораторию для поиска новых способов подавлять большинство. Школы в последнее время стали очень напоминать тюрьмы. Даже планировка у большинства средних школ удивительно напомнила мне устройство колонии округа Камберленд.

В школах по всей стране все чаще проводят обыски на наличие наркотиков, насаждают политику нулевой толерантности, нанимают охранников, применяют изоляцию, камеры видеонаблюдения, металлодетекторы – это методы контроля, заимствованные из тюрем. В некоторых городах школьники, особенно чернокожие, латиноамериканцы и коренные американцы, могут попасть в исправительное учреждение из-за проблем с дисциплиной в школе.

17. Вы чернокожая женщина, страдающая тяжелой депрессией, вы больны СПИДом. Вы лишены свободы за нарушение условий досрочного освобождения после отбытия трехлетнего срока за нарушение общественного порядка. У вас нет среднего образования.

Тюремно-промышленный комплекс

«Тюремно-промышленный комплекс» – это термин, используемый для описания слияния государственных и корпоративных интересов в рамках тюремной политики. Он отсылает к более раннему термину «военнопромышленный комплекс», который ввел президент Эйзенхауэр, чтобы описать производство оружия, которое, с одной стороны, соответствовало интересам правительства (так как увеличилась военная мощь страны, и, следовательно, укрепилась государственная власть) и, с другой стороны, соответствовало интересам корпораций, которые получили на развитие индустрии миллиарды из государственных средств. По своей природе военно-промышленный комплекс не мог привести и не привел к установлению прочного мира после окончания холодной войны; военный бюджет продолжал расти даже в отсутствие врага, реального или вымышленного. Точно так же тюремно-промышленный комплекс не поможет положить конец преступности.

Местному населению преподносят тюрьмы как нечто способствующее экономическому росту. Но с каких пор тюрьмы стали вопросом экономики? Почти 40 миллиардов долларов тратится ежегодно на тюремную систему. Эти деньги государство забирает у своих граждан и отдает корпорациям, которые получают к ним доступ различными способами: выигрывают тендеры на строительство тюрем или предоставление товаров, услуг, персонала. Все больше тюрем государство передает в част-

ные руки, ими полностью управляют коммерческие организации. Глупо надеяться, что государство делает это ради заключенных, заботится таким образом о них; корпорации заботятся только о своих доходах, а доход тем больше, чем эффективнее компания эксплуатирует людей и природу.

В тюремной системе штата Висконсин с 1999 по 2000 годы одну шестую всех средств, выделенных на здравоохранение, получили фармацевтические компании; для заключенных это значило, что их будут не лечить, а просто кормить таблетками (по данным Бюро по законодательному аудиту штата Висконсин).

Компания *Bob Barker* заработала несколько миллионов на контрактах по продаже матрасов, шампуня и других средств гигиены государственной тюремной системе (шампунь делали на потогонных заводах в Мексике, а матрасы были отвратительного качества). А у компании, если я правильно помню, *Verizon*⁹ был заключен эксклюзивный контракт со всеми окружными тюрьмами Джорджии, в которых я побывал. В тюрьме округа Крисп они даже установили телефоны в нашей камере и за пятнадцатиминутный телефонный разговор брали десять долларов. В 1996 году Университет Техаса и Техасский технологический университет, которые выиграли контракты на оказание медицинской помощи заключенным в тюрьмах штата, получили чистую прибыль в размере 300 000 долларов, что составило 10% от их общей выручки (по данным газеты *Austin American-Statesman*). В том же году в Техасе около ста заключенных умерли от медицинской халатности. «Независимое» государственное исследование показало, что затраты на оказание медицинской помощи снизились, а «по двадцати двум показателям качества наблюдался рост в среднем на 85%», но настоящих результатов исследования никто не видел и, соответственно, не узнал, что выживание заключенных в эти 22 показателя не входило. А ежегодная смертность среди заключенных в Техасе после приватизации тюремного здравоохранения увеличилась на 150%.

Вдобавок к тому, что через тюремную систему корпорации получают народные деньги, тюрьмы еще и сами по себе экономически прибыльны. Почти каждая тюрьма – это еще и фабрика: криминологи и теоретики исправительной системы в капиталистическом обществе единодушно признают труд лучшим средством реабилитации. Одно время в Великобритании был популярен такой способ наказания: заключенных заставляли с утра до вечера крошить камни, просто чтобы выработать у них привычку трудиться. Сейчас в США труд заключенных гораздо продуктивнее: в государственных тюрьмах заключенные производят дорожные знаки, военную форму, прочую одежду, мебель и многие другие товары для госучреждений.

Обратите внимание: ящики для документов или занавески для душа, которые становятся иногда героями новостей, потому что в отчетах чиновников стоят в десять раз больше, чем на самом деле, производят заключенные, и платят им в десять раз меньше, чем должны. В Вирджинии студенты государственных университетов сидят за партами, которые делают в тюрьмах, а на сайте департамента исправительных учреждений штата размещена реклама одежды и мебели, производимых заключенными. В Калифорнии тюремные производства продают товаров на 150 млн долларов в год. В некоторых штатах тюремное производство работает не на обеспечение госу-

---

⁹ Одна из крупнейших в США и мире телекоммуникационных компаний. – Прим. пер.

дарственных нужд, а на рынок. В тюрьмах штата Орегон производят особую марку джинсов «Prison Blues», чтобы потом продавать их выжившим из ума яппи, которым доставляет изысканное удовольствие возможность пощеголять продуктом рабского труда.

Хотя заключенным и платят за труд, их работа не добровольная. Они обязаны работать, иначе их ждет наказание. К тому же оплата труда не покрывает даже элементарных расходов на проживание, поэтому тот факт, что заключенным платят, не делает их статус выше, чем у раба. За работу в тюрьме я получал 12 центов в час и не слышал, чтобы кто-нибудь получал за свою работу больше 90 центов в час. Важно, что деньги, которые выплачивают заключенным, все равно остаются в системе. У правительства есть все возможности обдирать заключенных, поэтому сидеть в тюрьме – дорого. В тюрьме почти все стоит дороже, чем на свободе.

Хоть я и старался тратить меньше денег и был самым экономным среди своих знакомых, я не смог обойтись без поддержки родственников. Моей зарплаты не хватало даже на то, чтобы оплатить телефонные звонки и канцелярские товары. Заключенные, ко всему прочему, должны платить за некоторые предметы одежды (как правило, за все, кроме униформы, которую в определенных случаях нельзя носить, например, в спортзале), многие заключенные покупают продукты, потому что в столовой кормят плохо. Кроме того, можно купить радиоприемник или какую-нибудь другую игрушку, чтобы хоть немного скрасить время, а еще надо покупать ленты для пишущих машинок, чтобы писать апелляции, жалобы и тому подобное. Во многих тюрьмах также взимается плата за медобслуживание и базовый тариф за проживание и питание. Так тюремная система дает компаниям еще большую прибыль, вытягивая деньги на нужды заключенных с их родственниками. В 2000 финансовом году тюремная система штата Вирджиния заработала 6,4 млн долларов на телефонных звонках, и большая часть этих денег поступила в пенитенциарную систему извне.

18. Вы чернокожий мужчина, отбывающий срок в 28 лет за заговор с целью хранения и распространения наркотиков. У вас нет среднего образования.

Тюремно-промышленный комплекс оказывается замешан и в политике. Лишая значительную часть чернокожих граждан избирательных прав (ведь у заключенных их нет), городская элита выводит оппозиционную часть электората из игры; чернокожие представители населения, которые могут «раскачать лодку», таким образом просто не допускаются во власть. В то же время сельским избирательным округам с белым населением приписывают большую численность за счет того, что там расположены тюрьмы, а следовательно, на них выделяют больше средств и мест в законодательных органах, что при голосовании увеличивает удельный вес этих районов. Но важно понимать, что ни голосование, ни полноправие не поможет афроамериканцам кардинально изменить расстановку сил. Выборы – это борьба за влияние между фракциями внутри элиты. Увеличение количества афроамериканцев в политической системе не поправит положение бедных чернокожих, а только даст состоятельным доступ к хлебным должностям (например, в строительстве элитного городского жилья) и возможность защищать какие-то начинания за взятку. Такое

изменение угрожает старым добрым компаниям, которые монополизировали все прибыльные сферы в незапамятные времена; для расистской капиталистической системы в целом оно абсолютно безопасно.

В 1996 году одна Нью-Йоркская инвестиционная компания объявила в своей рекламе: «Аресты, заключения в тюрьму – преступность растет, а вы в это время можете делать деньги, зарабатывая на ней. Спешите занять лучшее место в бурно развивающейся отрасли». Выходит, сажать людей – прибыльный бизнес? С одной стороны, корпорации и состоятельные люди, используя свое влияние в правительстве, сделают все, чтобы аресты и заключения продолжались. И если государство получает тем больше власти, чем больше люди боятся преступности и доверяют полиции, судам и тюремной системе, правительство, скорее всего, присоединится к этой политике – или даже возглавит ее. В тюремно-промышленном комплексе преступность обращают в прибыль и авторитет государства, так что преступники фактически становятся полезными ресурсами, которые необходимо добывать. Так как капиталистические системы основаны на экстенсивном росте, количество людей, которых будут клеймить преступниками и сажать, должно постоянно увеличиваться. При такой установке полиция и тюремная система никогда не решат и даже не смогут облегчить проблему преступности, иначе они просто останутся без работы. Наоборот, полиция, суды и тюрьмы сделают все, чтобы ее увековечить.

19. Вы чернокожий мужчина, инфицированный ВИЧ. Вы отбываете двенадцатилетний срок за хранение наркотиков. У вас не было денег на адвоката, и в суде вас представлял общественный защитник. У вас нет среднего образования.

Эйс, парень, с которым я познакомился в тюрьме, попал за решетку во времена наркотической войны; он говорил, что если наркотики легализуют, экономика США просто рухнет. «Представь только, – излагал он мне, – полицейские, прокуроры, судьи, тюремные надзиратели, адвокаты и разные другие частники – целая толпа людей живет за счет закона об обороте наркотиков и зависит от его нарушителей. Что будет с экономикой, если все они лишатся работы?» И он был прав. После Великой депрессии элиты поняли, что капитализм рухнет, если правительство не будет постоянно поддерживать бизнес.

Сначала они поддерживали военное производство, теперь – тюремное. Чтобы поддержать экономику, тюремная промышленность плодит преступников. Заключение становится такой ценной породой, их нужно разыскать и обработать. Но на самом деле к преступлению располагает обстановка в обществе. Если люди здоровы и счастливы, они гораздо менее склонны к совершению преступления, или, по крайней мере, тех его видов, которые наносят обществу непоправимый ущерб: изнасилование, причинение телесных повреждений, убийство. Поэтому законодательная власть должна подстраивать свою работу под состояние общества, чтобы постоянно подпитывать тюремную систему. На протяжении 1980-х и 1990-х годов правительство принимало все более и более жесткие законы, в особенности это касалось наказаний за употребление наркотиков. Они не только увеличили сроки, но и раздули нормы о соучастии настолько, что такое обвинение может быть предъявлено людям, практически не имевшим отношения к торговле – например, родителям или

супругу самого продавца – и соучастник понесет такое же наказание, как продавец. Многие женщины сейчас отбывают сроки за то, что их парни торговали наркотиками. Наркомания – настоящая болезнь общества, и с ней действительно нужно бороться, но независимые исследования показывают, что самый эффективный способ борьбы – лечение, а не лишение свободы. Правительство знакомо с этими исследованиями, но продолжает держаться курса, благодаря которому проблема наркомании сохранится и люди и дальше будут попадать за решетку за хранение, употребление и распространение наркотиков.

По схожим причинам правительство недавно прекратило финансировать программу Пелла¹⁰, которая позволяла заключенным получать в тюрьме высшее образование. Примечательно, что у правительства есть на руках статистические данные, которые свидетельствуют, что заключенные, получившие в тюрьме высшее или какое-либо другое образование, гораздо менее склонны к рецидиву, но они все равно срезают гранты на программу Пелла. Делается это якобы для того, чтобы сократить расходы, но правительству известно, да и всем известно, что самый верный способ сократить расходы – просто сажать меньше людей. Но число заключенных должно расти, поэтому государство не снижает, а увеличивает преступность – хотя бы расширяя ее понятие: все больше деяний, в том числе совершенно безвредных для общества, признаются преступными и наказываются все более длительными сроками. Результат очевиден: в 1980 году половина поступивших в государственные тюрьмы была осуждена за преступления с применением насилия, в 1995 году таких была только треть, а в период с 1991 по 1998 год число преступлений с применением насилия упало на 20%, в то время как количество заключенных выросло на 50%.

20. Вы чернокожий мужчина с тяжелым артритом и диабетом, несмотря на состояние здоровья вы должны работать по 40 часов в неделю на тяжелой работе. Вам платят лишь несколько центов в час, и каждый месяц вы вынуждены отказываться либо от телефонных звонков домой, либо от продуктов и гигиенических принадлежностей, либо от доплаты в 5 долларов за посещение врача. Вы признали себя виновным, и вам вынесли приговор до встречи с адвокатом. Вы отбываете двадцатилетний срок за нападение и грабеж.

Исполнительная власть осознает себя как поставщика человеческих ресурсов для тюремно-промышленного комплекса. 13 апреля 1997 года главный инспектор министерства юстиции США выпустил доклад на 517 страницах о том, как криминалисты в лабораториях ФБР подделывали доказательства, чтобы обвинение выиграло в суде. Интересно, что впоследствии ни одного из служащих ФБР не посадили в тюрьму и ни одного из десятков тысяч заключенных, которые в результате этих манипуляций туда попали, не выпустили; но самое главное – факт, что ФБР сохранило все свои полномочия и продолжает сажать людей. Свидетельства о внутренней коррупции и о подтасовках ФБР судьи просто не допускают до разбирательства. Суды не хуже других знают свое место в тюремной индустрии, они ставят все производство на

---

¹⁰ Клейборн Пелл – демократ, сенатор от штата Род Айленд. – Прим. пер.

поток. «МакСуд: сегодня мы обслужили двухмиллионного посетителя».¹¹ Государство оплачивает работу прокуроров гораздо лучше, чем работу адвокатов, поэтому тысячи людей – хотя точное их количество неизвестно – проходят через весь процесс судебного разбирательства «беззащитными». Судьи предпочитают закрывать глаза на тот факт, что полицейские превышают полномочия или опускают необходимые процессуальные процедуры, нарушая тем самым права человека. Медленно, но верно Верховный суд спустил в трубу все гарантии, которые предоставлял гражданам Билль о правах в отношении уголовных дел: теперь не редки обыски и изъятия без ордера, в ходу презумпция виновности, и судебные процессы без присяжных стали обычным делом. Работа судов сейчас практически основана на нежелании людей отстаивать свои права. Если бы в суд обращался каждый, кто столкнулся с правонарушением, суды были бы завалены делами на десятки лет вперед. Даже в идеальной модели система не смогла бы работать, если бы каждый стал бороться за свои права до конца. У системы уголовного правосудия есть несколько приемов, которые вынуждают людей отказаться от борьбы. У государственных адвокатов – единственной надежды большинства необеспеченных граждан, которые в основном и попадают под суд – просто нет возможностей, чтобы достойно подготовиться к судебному разбирательству хотя бы по некоторым из множества дел, поэтому практически всем своим клиентам они советуют признать вину. Поскольку наказания в уголовном правосудии просто зверские, люди, которые знают наверняка, что будут осуждены, часто признают себя виновными, если им обещают за это, скажем, два года лишения свободы вместо двадцати или тридцати. Свои способы давления на подозреваемых есть у полиции. Многие из тех, с кем я познакомился в государственной тюрьме, признали себя виновными потому, что сотрудники ФБР угрожали обвинить в соучастии их родственников; например, один мой знакомый провел по совету своего банка операцию, которая, как оказалось, была незаконной, и не признавал вину (он ведь не знал, что нарушает закон), но ему угрожали привлечением к ответственности родителей – на том основании, что на деньги, полученные в ходе незаконной операции, он купил им подарок.

Уже заключенные в тюрьму при попытке обратиться в суд сталкиваются с бюрократическими препятствиями; пожалуй, самое распространенное из них – необходимость платить за подачу почти каждого прошения или жалобы. Тем, у кого нет источников дохода, приходится ждать, пока суд объявит их неплатежеспособными и избавит от судебных издержек; но те, у кого небольшой доход все же имеется, в эту категорию не попадают, даже если их доход так мал, что не позволяет покрыть эти издержки.

Что значит для общества существование тюремно-промышленного комплекса? На этот вопрос я отвечу другим вопросом: нас учили, что мы живем в свободной стране, но кто вспомнит, когда у нас отменили рабство? Большинство ответит, что еще в XVIII веке. На самом деле рабство в Соединенных Штатах законно до сих пор. Тринадцатая поправка, которая отменяет рабство в большинстве случаев, гласит: «В Соединенных Штатах... не должно существовать ни рабство, ни подневольное услу-

---

¹¹ В американской критике системы правосудия часто употребляется выражение «макдональдизация уголовного судопроизводства». – Прим. пер.

жение, кроме тех случаев, когда они являются наказанием за преступление». После гражданской войны, когда право собственности на рабов было отменено и множество чернокожих освободили, правительство, которое было и остается расистским, допустило эту неприкрытую лазейку, и сразу было понятно, зачем.

В 1871 году Верховный судья оставил в силе это государственное рабство, утвердив, что «во время пребывания в учреждениях пенитенциарной системы граждан находится у государства на каторге... и на это время становится его рабом». Обратите внимание, что в то же самое время на юге США появляются каторжники и испольщина. Рабский труд заменили обтекаемой, капиталистической формой, что позволяло выдать наиболее угнетенных за добровольных рабов, сохранив при этом невольное рабство для непокорных – таких клеймили преступниками. Важно помнить, что тогда многие рабовладельцы, в том числе важные теоретики и сторонники рабства, такие как Джон Генри Хэммонд, увидели, что капиталистическая система Севера гораздо эффективнее, и искали способ перейти к ней, включив нынешних рабов в более продвинутые, «северные» формы производства. Но все они были единодушны в том, что просто отпустить рабов на свободу нельзя, они станут страшной угрозой для общественного строя, который создали для себя белые рабовладельцы. В итоге это противоречие разрешилось организацией белых отрядов самообороны – во многом родственных современной полиции – и реорганизацией пенитенциарной системы, и теперь существующей в том «реорганизованном» виде. Вот что представляет собой тюремно-промышленный комплекс для нынешнего американского общества: видоизмененную форму рабства. Треть всех чернокожих мужчин за свою жизнь проходили через тюремную систему хотя бы раз, из остальных подавляющее большинство всю жизнь тяжело работает, но при этом остается за чертой бедности. Людей преследуют по расовому или классовому признаку: заковывают в цепи или сажают за решетку и заставляют работать на правящий класс – государство и его состоятельных покровителей от бизнеса. Как еще назвать это явление, если не рабством?

Насильственное вмешательство и контроль

Полиция и тюремная система часто вмешиваются в жизнь людей, грубо и без веских оснований: наказывают за преступления, от которых никто толком не страдает, или за поведение, которое полезнее было бы считать проявлением болезни и лечить – например, наркоманию. Но преступность, по существу, не снижается и остается серьезной социальной проблемой, которую деятельность системы правосудия только усугубляет.

Бывший президент Джеймс Мэдисон, выступая за расширение полномочий государства, обозначенных в конституции, писал, что «состоятельных граждан, которые составляют меньшинство, нужно защищать от большинства». Что же защищает это состоятельное меньшинство в современной Америке? Заборы особняков, вооруженная охрана, новейшие системы сигнализации и система уголовного правосудия, все более активная, все более военизированная; а ядро этой системы составляет полиция. В США на обеспечение безопасности представителей правящего класса

(физических лиц и корпораций) тратят в два раза больше, чем на общественную безопасность.

Частная охрана оттесняет преступные группировки в бедные районы; там за дело берутся службы государственной безопасности, которые создают постоянную угрозу наказания, но на способствующие развитию преступности условия в обществе не обращают никакого внимания. Механически сажать преступников за решетку, не разбираясь, отчего вообще люди совершают преступления, что и почему в обществе считается преступлением, – абсурдно. Если уж быть абсолютно педантичными, наша страна – просто рассадник преступности, но сравните общее количество всех когда-либо совершенных незаконных действий и общее число арестов. Много ли найдется таких, кто до двадцати одного года ни разу не пробовал алкоголь, кто никогда не пробовал марихуану, всегда говорил полицейским одну только правду, ни разу ничего не украл, ни разу не подрался? Если мы примем тот факт, что только тюрьма исправит преступника, то один лишь закон об обороте марихуаны должен был породить около 120 миллионов заключенных. Но ни один закон не блюдет с абсолютной строгостью, ни у нас, ни в других странах. Мы уже говорили о том, что правоохранительные органы уделяют особое внимание бедным и афроамериканцам. В отношении низших слоев общества законы не только строже соблюдаются; многие статьи, под которые они попадают, не применяются к высшим классам в принципе. В пример можно привести преступления внутри крупных корпораций, ответственность за которые никто из высшего начальства не несет. Компания *Enron*¹² украла у своих работников и инвесторов миллионы долларов, и лишь несколько человек понесли наказания, причем весьма незначительные; а вот если кто-нибудь на улице украдет бумажник, долгие годы тюремного заключения ему обеспечены. По данным Бюро трудовой статистики, в период с 1992 по 2000 год 55919 американцев погибли на рабочих местах (для сравнения: примерно столько же погибло во Вьетнаме). По данным правительства, которое, скорее всего, преуменьшает результаты, около трети этих смертей можно было бы избежать, если бы не халатность работодателей. Погибло 55919 рабочих, из них, по меньшей мере, 20 тысяч – из-за халатности, и ни один менеджер, ни один руководитель компании не сидит за непредумышленное убийство. Другой пример: по официальным данным, около ста тысяч американцев погибли в результате случайных и преднамеренных выбросов радиации при реализации энергетических и военных ядерных программ. Эти цифры, вероятно, опять же занижены, и, опять же, никто из ответственных за эти испытания не был осужден. И мы все еще думаем, что уголовное правосудие нас охраняет?

Итак, основная задача полиции – ловить людей и скармливать пенитенциарной системе. Надеюсь, понятно, что рост числа заключенных только увеличивает преступность. Во-первых, тюрьма крадет ресурсы у общества, из-за этого растет бедность, а значит, и преступность. Оказавшись в изоляции, люди теряют возможность участвовать в жизни общества и своих родных; родственникам заключенного приходится особенно тяжело – и в эмоциональном, и в материальном плане – но они вынуждены еще и помогать заключенному деньгами, ходить в тюрьму на свидания. Во-вторых, тюрьма – это школа преступности, но не в том расхожем смысле, что там можно

---

¹² Американская энергетическая компания. – Прим. пер.

научиться еще быстрее угонять машины (хотя и так бывает). Важнее, что тюремное заключение отнимает у людей возможности. Они не могут получать образование, нормально развиваться духовно. Чтобы выжить на зоне, им приходится совершать поступки, которые на воле неприемлемы: вступать в группировки, отстаивать честь и достоинство кулаками, воровать и заниматься контрабандой, подкупать охранников и т. д. И когда такие люди выходят на свободу, им гораздо труднее найти нормальную работу; зачастую они плохо образованы и не имеют трудового опыта, они пережили настоящую психологическую травму и успели привыкнуть к постоянному гнету со стороны начальства, которое теперь оставило их на произвол судьбы и ни кормить, ни худо-бедно содержать больше не собирается.

Любое преступление так или иначе осмысливается обществом, и так называемые «уличные преступления» (избиения и изнасилования, мелкие грабежи и бытовые кражи, преступления на почве наркозависимости) очень сильно его разобщают и сводят на нет все усилия по организации общественных движений за какие бы то ни было изменения. Ведь на чем основана любая коллективная деятельность? На солидарности, чувстве безопасности и общности с другими людьми, уверенности в них. Как горожане могут вместе бороться с политической и экономической несправедливостью, если они боятся даже постучать в дверь к соседу? И теперь, когда мы выяснили, что общество, по сути, основано на несправедливости и правящий класс постоянно извлекает из этой несправедливости выгоду, возникает вопрос: в чем еще преступность властям на руку?

Полиция защищает от нее белых представителей среднего класса, которые в случае чего только поддержат систему; но среди низших классов полиция поощряет преступность так часто, что трудно не думать о том, что полицейские следуют рекомендациям сверху. Полицейских Лос-Анджелеса недавно публично обвинили в рэкете; следствие установило, что они устраняли наркобаронов, чтобы самим контролировать доходы от торговли наркотиками, и часто работали самими настоящими сутенерами. Подобные открытия были сделаны в Филадельфии, Майами и других крупных городах. Государство поощряет преступность и на более высоких уровнях. Многие наркоторговцы, которых я встречал в тюрьме, говорили, что, если бы правительство действительно хотело избавить страну от наркотиков, им было бы нечего продавать: некоторые чиновники и целые правительственные организации непосредственно участвуют в контрабанде наркотиков. В ходе расследования незаконных действий против общественных движений, которые правительство проводило в 1960-е и 1970-е годы, выяснилось, что ЦРУ поставляло «белого китайца»¹³ в черные районы, известные своим политическим радикализмом, специально, чтобы нейтрализовать их ростом наркомании. Бывший полицейский из Лос-Анджелеса Майк Рупперт рассказывал, что ЦРУ давало местной полиции задание распространять наркотики в районах, где надо было подавить возмущение. В ходе скандала Иран-контрас вскрылся и подконтрольный ЦРУ наркооборот: когда США оккупировали Афганистан, местное производство мака, используемого для производства опиума и героина, значительно возросло и стало первой экспортной статьей в стране. СМИ усердно прививают нам убеждение, что правительство хочет только блага для

---

¹³ Синтетический опиоид, в сотни раз сильнее героина. – Прим. пер.

своих граждан, поэтому все эти обвинения мы склонны считать чепухой из того же раздела, что и теория заговора, хотя мы отлично знаем, что правительства и политические партии то и дело организуют заговоры, чтобы нарушить в своих интересах те или иные правила; хотя мы отлично помним, как то же самое правительство насаждало привычку употреблять алкоголь среди коренных американцев, чтобы подорвать у них волю к сопротивлению, как то же самое правительство участвовало в британской кампании по распространению опиума среди китайцев, чтобы заставить их включиться в мировой рынок (импортный опий они могли оплачивать только ходовой, международной валютой). Когда наше правительство успело вдруг сделаться честным и забросить махинации, которые проворачивает с самого своего зарождения?

Тюремная система и полиция не в состоянии истребить преступность на корню, вместо этого они насаждают и поощряют преступность в бедных районах, а затем – в качестве дополнительной формы насилия над бесправными меньшинствами – наказывают ее. Полицейские действуют практически как захватчики: существующее в обществе неравенство – состояние само по себе нестабильное, но они его установили и теперь должны искусственно поддерживать. Люди, которые выросли в неблагополучных районах, говорят, что жили как в оккупации: над головой кружат вертолеты с прожекторами, за каждым движением следят, повсюду полицейские с автоматами, бронемашины, отряды спецназа по ночам вышибают двери в квартирах. В начале XXI века американские войска перешли на новый объем финансирования, необходимый, чтобы вести войну одновременно на двух фронтах. В то же время на полицию, тюрьмы и систему уголовного судопроизводства страна истратила 147 млрд долларов – по сравнению с бюджетом, отведенным на вооруженные силы, в два раза меньше, а значит, соответствует еще одному фронту – внутри страны. В районах для среднего класса полицейские удерживают власть в «борьбе за сердца и умы», но они знают, что в бедных районах, где живут национальные меньшинства, им никогда не выдать себя за друга и защитника, вот они и устраивают там Эль-Фаллуджу. Страхом перед преступностью власти пользуются, чтобы оправдывать им все растущие полномочия полиции, и все насилие, которое только общество ей позволяет, направляется против низших классов, чтобы не дать им поднять голову. В результате насилия со стороны полиции ежедневно умирает четыре человека. Каждый год в каком-нибудь крупном городе США вспыхивают беспорядки, и практически каждый раз поводом для них становится очередной случай жестокости полицейских. Горожане, участвующие в этих беспорядках, говорят, что этот очередной акт жестокости был просто последней каплей и что они уже сыты по горло ежедневными преследованиями, жестоким обращением и насилием.

Если мы рассмотрим историю общества с тех времен, когда полиции еще не существовало, в период ее зарождения и развития до современного состояния, то увидим, что все это время полиция и тюремная система как ее закономерное следствие работали на сохранение неравенства. Когда Соединенные Штаты только основали, никакой полиции в них еще не было. На Юге она впервые появилась в виде рабских патрулей, а на Севере – в форме городского дозора, который должен был контролировать иммиграцию и поддерживать политические партии. А потом, когда преступность пошла на спад и никакой потребности в полиции не было, штат ее

почему-то серьезно вырос – это на случай, если вы все еще верите, что полиция нужна, чтобы снижать уровень преступности.

Когда преступность оказалась в дефиците, правительство решило нанять побольше полицейских и расширить нормы, определяющие преступления, признав противозаконным многое из того, что раньше вовсе не считалось таковым. Неудивительно, что уголовное законодательство уже тогда стремилось контролировать жизнь низших классов: бродяжничество, беспризорность, азартные игры, распитие алкоголя в общественных местах, безделье, проституция и мелкое хулиганство – все это было запрещено (но богатым никто не мешал предаваться всем этим противозаконным действиям в неприкосновенном уюте их просторных домов, вдали от надзора полиции). С самого своего возникновения полиция была нужна лишь для того, чтобы поддерживать несправедливое общественное устройство и насилием обеспечивать государственную власть; свое право на существование и все свои полномочия она реализовывала за счет угнетенных групп населения.

В итоге полиция и тюремная система не борются с преступностью, а культивируют ее – ведом ли им этот факт или нет. Но их высшее руководство, которое очень интересуется научной литературой по криминологии и социальному контролю, все отлично понимает – то самое руководство, которое говорит о «кризисе демократии», когда представители низших классов объединяются и создают движения, чтобы добиться общественных изменений. Наше правительство уже взяло на вооружение этот принцип: преступность – стратегически эффективный способ подавления низших слоев, разрушающий сообщество изнутри. Зачем людям с огромными привилегиями заботиться о сокращении преступности, если она разлагает и подавляет низшие классы, тем самым защищая от них состоятельное меньшинство?

А реакция полиции и тюремной системы на попытки общества организовать и положить конец насильственному вмешательству государства в свою жизнь еще более проясняет настоящие механизмы работы государственного аппарата.

Расправа с несогласными

Со школы, а то и раньше, нам внушают, что мы живем в свободной стране, поэтому многим может показаться невероятным утверждение, что одна из важнейших задач полиции и пенитенциарной системы – подавление инакомыслия. Первая поправка гарантирует нам «свободу слова», хотя по общему согласию существуют темы, на которые она не распространяется. Например, нам с Патриком не разрешили протестовать на территории военной базы Форт Беннинг. Обычное оправдание подобных запретов (хотя на перекрестном допросе, когда меня судили по этому делу, от него отказались) – в том, что наши акции протеста создают «угрозу безопасности», но этот ответ отвлекает от сути вопроса. За ним скрывается недвусмысленная позиция государства, для которого обеспечивать свободу слова – далеко не первая по важности задача. В нашем с Патриком случае, да и во многих других, «безопасность» оказывается важнее свободы слова. Сомнений это ни у кого уже не вызывает, но, чтобы развеять мифы, которые правительство соорудило вокруг себя, стоит только

опереться на это положение: для государства вовсе не главное обеспечить свободы своих граждан.

Исключение из права на свободу слова может привести любой школьник: их разбирают на уроках. Вот, например, одно, самое распространенное: «если создается прямая и явная угроза». Учителя обычно говорят детям, что права кричать «пожар» в переполненном театре конституция не дает, потому что такое «свободное» поведение создает угрозу здоровью и жизни людей. При этом случай из жизни, на котором этот принцип основан, ученикам почему-то не приводят. И вот, похожую аналогию использовал Верховный судья Оливер Уэнделл Холмс, выступая с оправданием правительственных действий по аресту нескольких человек за раздачу листовок против призыва во время Первой мировой войны. Холмс заявил, что если действие создает угрозу общественно опасного явления, которое правительство обязано предотвратить, то оно имеет полное право пресечь и это действие. Выходит, что не вступать в кровопролитную войну, которая Соединенным Штатам непосредственно не угрожала, было опасно для общества, а брошюры, в которых рассказывалось, как людей против воли забирают на войну, создавали страшную угрозу. То есть правительство решило, что может арестовывать людей, если они позволяют себе в подобных листовках высказываться против государственных приоритетов.

Какие еще приоритеты государства не обсуждаются? Если участие в Первой мировой войне (с целью улучшить экономическое и политическое положение и стать мировой державой, но не из жизненной необходимости) было так важно, что стало позволительно силой заставить несогласных молчать, то можно ожидать, что точно таким же приоритетом для государства будет сохранение и приумножение власти элит. Не возвращать земли индейцам, не компенсировать афроамериканцам ничего из отнятого у них в годы рабства, насаждать политику американского империализма и капиталистической эксплуатации во всем мире – мощь США построена на несправедливости.

За свою историю правительство США насильственно подавило множество общественных движений. Коренные американцы, организовавшие сопротивление, подверглись геноциду. Черных рабов запугивали, чтобы не допустить восстания. В Чикаго, Хоумстеде, Ладлоу и десятках других городов убивали бастующих рабочих. Полиция и набранные капиталистами дружинники для уничтожения радикальных профсоюзов прибегали к избиениям, массовым арестам, незаконному лишению свободы, казням и линчеванию. Массовыми арестами и депортациями они рассеяли движение анархистов. После Первой мировой войны правительство использовало свои новые военно-воздушные силы для бомбардировки мятежных шахтеров в Аппалачах. Незадолго до Второй мировой войны внедренные агенты полиции нейтрализовали Коммунистическую партию. Слежке и нападениям подвергались члены Движения за гражданские права. Информаторы ФБР совместно с членами ку-клукс-клана совершали нападения и убивали черных активистов. Более 60 сторонников Движения американских индейцев были убиты в резервации Пайн-Ридж, где группа активистов пыталась защитить права коренного населения. Эдгар Гувер разработал целую программу репрессий под названием *COINTELPRO*, которая использовалась против движения за освобождение черных, антивоенного движения и других организаций. Мы знаем о существовании этой программы только потому, что

документы из офиса ФБР в Пенсильвании украли, и Сенат был вынужден признать ее существование на слушаниях Комитета по делам религии. Взгляните на одну только выдержку из служебной записки ФБР, датированной 1968 годом: «Надо объяснить [черной] молодежи и умеренным, что, если они поддадутся влиянию мятежных идей, они станут революционерами – то есть мертвецами». В это же время по всей Америке черных революционеров убивали и сажали в тюрьму по ложным обвинениям.

И история политических репрессий продолжается. Несколько человек арестовали за то, что они приходили в футболках с политическими лозунгами или с антиправительственными плакатами на мероприятия, где выступал президент Буш. Анархистов, пацифистов и особенно заметных политических активистов от расовых меньшинств, квир-движения и трансгендеров избивали и задерживали во время акций протеста. ФБР преследовало радикальных экологов якобы в рамках антитеррористической программы. Несколько лет назад полиция закрыла наш анархистский общественный центр в Харрисонбурге, якобы по правилам, но в этом городе такие правила к организациям не применяются. Не так давно полицейские агенты следили за анархистским собранием Вирджинии, и в ходе расследования выяснилось, что они работали от имени АНБ. Как широко правительство развернуло деятельность по подавлению инакомыслия на данный момент, нам еще предстоит узнать, ведь сейчас эти сведения засекречены. Но правительственные документы, которые уже попали в руки к членам американского союза гражданских свобод и других правозащитных движений, недвусмысленно показывают, что ФБР и полиция следят за активистами и пытаются на них давить.

Полиция и тюрьмы играют в подавлении инакомыслия ведущую роль. Наше правительство утверждает, что у нас в стране нет политических заключенных, но, как и в любой другой диктатуре, это только потому, что настоящих политических заключенных власти упорно называют «преступниками». Где политическая деятельность не является уголовно наказуемой сама по себе, активистов сажают в тюрьму по сфабрикованным обвинениям, или полиция донимает их слежкой и нападениями – СМИ об этом не говорят ни слова. Ральф Арон, бывший надзиратель федеральной тюрьмы Мэрион, прямо заявил, что «основная задача тюрьмы Мэрион – контроль над революционными настроениями в пенитенциарной системе и в обществе в целом».¹⁴

Я не могу привести в этой книге подробную историю правительственных репрессий, но информацию по этой теме легко найти самостоятельно. Если же вас эта тема еще не коснулась, то обязательно коснется, когда вы попытаетесь освободиться от навязанных государством структур и особенно если вы попытаетесь их изменить. Я сам впервые обрел настоящую свободу слова в одиночной камере. Первый раз в жизни я мог высказать все, что хочу, не боясь наказания ни от родителей, ни от учителей, ни от начальства, ни от полиции; но в стенах из монолитного бетона все мои слова так и остались пустым звуком. Не слова и не мнения делают нас свободными, свободными нас делает власть: она позволяет нам высказываться без всяких ограничений только до тех пор, пока это не создает прямой угрозы, не представляет

---

¹⁴ Выдержка из «In the Spirit of Fred Hampton and Mark Clark: Carry On the Tradition of Resistance», Notes From A New Afrikan POW Journal, том 7, 1980

реальной опасности – опасности смены власти. Мы можем свободно говорить о моде, обсуждать любимые телешоу, призывать людей голосовать за какого-нибудь политика или рассказывать о нем анекдоты, мы свободны подписывать петиции о спасении белоголовых орланов или о двухчасовом рабочем дне, или кричать, что кругом большой заговор, или проанализировать в научной статье, что же с нашим государством не так. Но покушаться на его основы нам не дадут. И именно к этому мы должны стремиться, именно на это направить все наши силы.

Внушаем страх и торгуем безопасностью

Тюремно-промышленному комплексу нужны законопослушные граждане: он играет на людском страхе, чтобы оправдать свое существование. Правительство и средства массовой информации приучают людей бояться. В телевизионных шоу вроде *COPS* и новостях канала *FOX* нам внушают, что за каждым из нас ходит по пятам злодей, скорее всего – мулат или негр. И вообще на свете полно преступников и террористов, которые мечтают нас убить или покалечить, и удивительно, как вообще мир держится – наверное, стараниями правительства. Все в нашей стране приносится в жертву безопасности, справедливость в том числе. Остались ли еще права и свободы, которыми поступиться нельзя? Мы позволяем правительству следить за нами, чтобы чувствовать себя в безопасности от террористов и радикалов; мы поддерживаем войну, чтобы обеспечить США положение безоговорочного мирового лидера; мы жертвуем своим спокойствием и конституционными гарантиями, чтобы полиции было удобнее бороться с преступностью; мы отдаем целую жизнь, работая по 40, 60, 80 часов в неделю, чтобы себя обеспечить, ведь наша экономика до смерти боится инвалидов и матерей-одиночек, так что можно скорее умереть от голода, чем дожидаться от государства помощи. СМИ пугают белых граждан среднего класса повышением уровня преступности, даже когда в действительности он падает. Вашингтонский снайпер убил десять человек в округе с населением около 4 млн. человек, и люди боялись выходить на улицу, а загрязнение воздуха или поездка в общественном транспорте, которые представляют гораздо более реальную опасность, никого никогда так не пугали.

Если хорошенько разобраться во всех наших страхах, станет ясно, что идея безопасности – не более, чем миф. Как же она стала для нас такой важной? В 1950 году правительственные аналитики выпустили секретную директиву СНБ-68, исследование, рекомендовавшее США превратиться в «государство национальной безопасности». И администрация Трумэна тогда утвердила этот план, главными задачами которого было искоренить инакомыслие и выработать у общественности приверженность государственным приоритетам (в то время это означало внушить людям страх перед «опасностью подрывной коммунистической деятельности и военной агрессии»), а также перейти к состоянию постоянной боеготовности, для чего нужно было субсидировать экономику, выделив бюджетные средства на выпуск военной продукции, что по сути означало создание военно-промышленного комплекса. Теперь наш ядерный арсенал пылится на складах и понемногу облучает все вокруг – символ государственной безопасности времен холодной войны. Тюрмы – вот новый

символ государственной безопасности, мы строим их все больше и больше, и никому не приходит в голову остановиться и подумать: мы ведь уже слышали эту сказку, не пора ли поменять приоритеты? Неужели мы стали столь безвольны, что с нас достаточно одной свободы – не сидеть за решеткой? Неужели защита от невидимой, но, несмотря на свою невидимость, страшной орды преступников – единственное право, которое нам должны обеспечивать? Как насчет достойного жилья, справедливой экономической системы, доступного здравоохранения и образования?

И что же это, в конце концов, за угроза, от которой нас защищают? Хотя уличная преступность действительно существует в одних только бедных районах, состоятельные граждане все равно ужасно боятся стать жертвами преступников, требуют более суровых наказаний – посадить всех и навсегда, но разве эти два миллиона заключенных, которыми нас пугают, на самом деле представляют собой угрозу? В ходе исследования, проведенного Сенатом США, выяснилось, что 91% надзирателей в федеральных пенитенциарных учреждениях считают, что более половины заключенных не будут представлять никакой угрозы для общества в случае освобождения. Впрочем, почему мы должны верить даже и таким сведениям от чиновников? Вместо этого я могу привести примеры из жизни, рассказать о том, каких удивительных людей нам довелось встретить в тюрьме. Майк, например, делал деревянные игрушки и отправлял их домой, детям. Эрл не спускал с меня глаз, когда надзиратели натравили на меня другого заключенного. Эрик самостоятельно изучал испанский и китайский. Грег стащил для меня с кухни большой пакет изюма и показал мне всю радикальную политическую литературу, которую он собрал в тюрьме. Энджел и Карлос делили с Патриком одежду, продукты и приемник, пока он не «обжился» в тюрьме.

Почему хорошие друзья или семья не могут собраться вместе и сами решить, что для них представляет угрозу? С каких это пор определять преступление стало первоочередной задачей государства? Понятие преступления необходимо пересмотреть, оно должно определяться как ущерб обществу, и ответственность за него должны понести люди, имевшие к нему непосредственное отношение, и те, кто их окружает. Если у действия нет жертвы, его нельзя назвать преступным. Мы уже видели, что средствами власти никак нельзя снизить наносимый обществу вред, а многие институты власти лишь воспроизводят этот вред. Давайте рассмотрим реальные преступления, которых нас приучают панически бояться, преступления, которые гнездятся в наших собственных домах: бытовое насилие, физическое или сексуальное, совершаемое в отношении детей или супругов. Эти преступления наше общество само поощряет, приучая мужчин относиться к женам (а родителей – к детям) как к собственности. В массовой культуре прославляются сексуальное доминирование и насилие. Мужья, друзья и родители, которых на работе самих унижают, дома отыгрываются на тех единственных людях, которых считают ниже себя. И что потом? Женщина, которую избил муж, либо добьется, чтобы его посадили в тюрьму и разрушит тем самым свою семью, либо продолжит терпеть и попытается все исправить своими силами, либо уедет из дома, останется одна, может быть, без денег. Если ее обидчик сядет, то, выйдя на свободу, он станет еще более подавленным эмоционально и жестоким по отношению к своим близким. Ребенок, который столкнулся с насилием, тоже вынужден выбирать: разрушить свою семью или жить с этим и дальше; если у него состоятельные белые родители, то власти, скорее всего, не поверят ему, его жалобу

оставят без внимания. И ни в одном из этих случаев они не предложат ничего напоминающего помощь даже отдаленно. Дети, с которыми обращались жестоко, более склонны к насилию, когда вырастают. Мы можем закрывать на все эти проблемы глаза или подсказывать виновным, что если они будут все отрицать, то, возможно, избегнут несоразмерного, зверского наказания; но так мы ничего не изменим, нам не разорвать этот порочный круг насилия. В нашей стране каждая четвертая женщина становится жертвой изнасилования; насилие царит во многих семьях: практически половина моих знакомых сталкивалась хоть раз с насилием в семье, и при всем этом власти призывают нас бояться каких-то необузданных маньяков и воров-карманников?

По всему миру естественным образом складывались системы, принципиально отличные по своему устройству от государства, где в разрешении каждого конфликта и восполнении ущерба, причиненного преступлением, участвовал каждый член общества. При этом предполагалось, и вполне справедливо, что любой конфликт – это общая проблема, потому что он угрожает благосостоянию всех. Все спорные ситуации разрешали открыто, и целью ставили прежде всего восстановление социума после нанесенной ему травмы, а не наказание виновных. Все блага при этом были распределены равномерно, поэтому общество не «погрязло в преступлениях» без полиции и судов (чего так боятся у нас). Когда в таких местах – западной Африке или Мексике – появились колонизаторы из Великобритании, Франции или Испании, первое, что они сделали, чтобы взять местный народ под свой контроль, – разрушили эту традицию всеобщего посредничества в решении конфликтов и внедрили свою систему правосудия, которая определяет преступление как действие против государства. Это давало им возможность сажать недовольных в тюрьму и брать с них штрафы (очередной способ получить доход от колоний), задавать законом нравственные характеристики общества (часто вводя при этом половую дискриминацию и признавая порочной трансгендерную идентичность, которая когда-то была распространена во всем мире) и, самое главное, сделать народ зависимым от колонизаторов. Перекроить общество так, что без правительства оно просто-напросто развалится – что лучше защитит власти от покушения?

Тюремная система по сути своей есть орудие угнетения и контроля, и реформировать ее невозможно. Когда она только разрабатывалась, прогрессивные граждане приветствовали это новшество как более гуманное по сравнению с телесными наказаниями – и они ошибались. Если мы хотим излечить общество от болезни, которую тюрьмы и полиция только усугубляют, от них необходимо отказаться. Отказаться от тюремной системы – значит, во-первых, бороться с существующим институтом тюрьмы и вообще с насильственным вмешательством государства в нашу жизнь. Во-вторых, это подразумевает создание такого сплоченного и сильного общества, которое могло бы существовать без всякого правительства и без его ложных решений проблемы преступности. Наносимый обществу ущерб – это проблема, которую мы вместе должны научиться решать. Люди уже пытаются как-то перестроить методы социального посредничества. За основу они берут традиции коренных народов или результаты западных психологических и социологических исследований. Все эти методы мы должны применить на практике и привить нашему обществу. Когда мы перестанем бояться взглянуть в лицо собственным проблемам, гораздо легче дадутся

все следующие шаги: мы поддержим заключенных, поскольку им это необходимо, организуем противодействие вмешательству полиции и рано или поздно придем к тому, что людям не нужно будет вызывать полицию, если они стали жертвой общественно опасного происшествия: они будут знать, что причиненный им ущерб общество восполнит самостоятельно.

Разрушим стены: агитация против тюрем и организация движения

Мы с Патриком много раз перерабатывали модель нашего семинара и в конце концов пришли к такой, которая не только информировала бы людей, но и помогала им самим принять какие-то меры против тюремной системы. Мы долго не могли понять, почему не видно бурной организационной работы по противодействию тюремной системе, особенно среди радикалов из той же среды, из которой вышли мы с Патриком (белые из среднего класса). И в новой версии семинар представляет собой ролевую игру, в которой участники становятся небольшой моделью общества и играют различные роли (политиков, корпоративных менеджеров, полицейских, заключенных, активистов, друзья и родственники которых находятся в тюрьме, активистов, у которых таких друзей и родственников нет), что позволяет выработать стратегию поведения: как реагировать на различные ситуации, как организовать мощное движение и добиться перемен, как реагировать на планы властей и так далее. После этой игры мы разбиваемся на небольшие группы, чтобы обсудить, насколько важны в радикальном движении именно личные отношения. Важность прочных межличностных связей мы в нашей ролевой игре особенно подчеркиваем, потому что любое разногласие между заключенными и активистами или между различными группами активистов проправительственные силы тут же используют в своих интересах.

Перед началом игры мы с Патриком делимся и другими нашими соображениями: рассказываем о шести основных препятствиях на пути организации против тюремной системы. В основном нам доводилось общаться с людьми, чей опыт схож с нашим (например, мы не ходили в бедные кварталы, живущие под полным контролем полиции, чтобы там рассказать о тюрьме), поэтому наши соображения относятся в основном к белым, с высшим образованием, из среднего класса; впрочем, я надеюсь, что и для других они будут чем-нибудь полезны.

Политический активизм против активизма прямого действия

Есть два различных взгляда на активизм, и от того, которого из них мы придерживаемся, зависят наши подходы к организации движения против тюрем. Я называю их политический активизм и активизм прямого действия. Политический активизм, к которому, как правило, склоняются люди более привилегированные, стремится внести изменения в законы и действует он через бумажные процедуры, в рамках полити-

ческой системы. Активизм прямого действия стремится изменить распределение власти в пределах одной группы или всего общества. Политические активисты забывают одну важную особенность: законы всегда только укрепляют государственную власть. Закон по сути своей есть инструмент правительства, и оно властно применять его в своих целях. В пример можно привести судебный иск, который недавно подали белые полицейские в Калифорнии: за избиение черного их наказали строже, чем их черного сослуживца; в результате по закону о борьбе с дискриминацией они выиграли крупную сумму денег. А ведь когда-то политические активисты проделали огромную работу с самыми лучшими побуждениями и добились введения этих антидискриминационных законов – на бумаге; теперь эти законы защищают белых полицейских, которые избили черного. Другой пример – нынешняя разрушительная практика открытых работ по добыче угля нагорного типа, которая стала возможной отчасти из-за лазейки в законодательстве об открытых горных работах, а ведь принятия этого закона добились экологические организации. Ошибка общественных деятелей, работающих совместно с властями, в том, что они сводят социальные перемены к смене политики правительства. Вся деятельность правительства всегда будет направлена на сохранение и приумножение его способностей подавлять и эксплуатировать население: смена политики – это просто переход к новой стратегии для достижения этой цели.

Активизм прямого действия старается расширять непосредственно возможности людей. Успешный силовой активизм развивает потенциал граждан к самоуправлению или подрывает власть правительства (или других имеющих власть организаций, например, крупных компаний) и отрицает право вмешиваться в жизнь людей, которое они себе присвоили. Маленькие победы на фронтах активизма прямого действия вдохновляют людей на большие свершения, чтобы и дальше расшатывать воздвигнутые властью стены. Активистам прямого действия не приходится уговаривать власти усилить контроль за соблюдением прав заключенных или расширить образовательные программы в тюрьмах. Они могут утверждать с позиции силы, что правительство не имеет права плохо обращаться с заключенными и отказывать им в образовании; если движение найдет широкую поддержку, правительству придется с ним считаться, и оно само инициирует необходимые реформы, не дожидаясь, пока возмущенное общество выйдет из-под его контроля; а когда власти напуганы, от них можно требовать все больше и больше. Политические активисты пытаются рассказать о своей деятельности в СМИ, чтобы получить поддержку в обществе, будто бы участвуют в негласных выборах. Протестное движение, организуемое активистами прямого действия, стремится само по себе стать угрозой, захватить улицы, чтобы каждый член движения чувствовал за собой силу и чтобы заставить правительство: если они не пойдут на уступки, ситуация выйдет из-под их контроля; но переговоров с властью активисты не ведут и не успокаиваются, когда власти на них все-таки соглашаются. Хороший пример из этой области – труд заключенных. Многие студенты, изучающие тюремную систему, борются за то, чтобы их образовательное учреждение не использовало труд заключенных. И хотя каждый понимает, что эксплуатировать арестантов – это плохо, все эти студенческие кампании приносят мало пользы: заводские рабочие места в местах лишения свободы зачастую самые популярные и лучше всего оплачиваются. Вообще говоря, кампании по преобразованию школ и

тюрем – пример навязанной, идущей сверху реорганизации; заключенным это не дает возможности как-то себя защищать, не привлекает к ним моральную и материальную поддержку общества и вообще не учитывает их собственные потребности и желания.

Реформы против революции

Еще один проблемный вопрос – разница между реформированием и революционным изменением общества, которую не всегда понимают правильно. В нашей работе по оказанию поддержки заключенным много времени тратится на повседневные заботы, приходится идти на временные меры и прибегать к своего рода «симптоматической» помощи (первая помощь, кстати, заключенным нужна очень часто). В то же время вот так просто, по мелочи помогать людям, попавшим в тюрьму, бесполезно, а то и прямо-таки бессердечно, если делать это механически и совершенно не задумываясь о том, что в колонии сажают со временем все больше и больше людей. Да, краткосрочные задачи нужно решать, но за ними должна стоять крупная революционная цель – ликвидировать тюрьмы (и расистское, капиталистическое государство, которое живет за их счет). Тюремная реформа, даже масштабная, тоже большой пользы не принесет. Тот факт, что тюрьма изначально задумывалась как «гуманитарная» реформа, показывает, что, пока условия в обществе диктуют элиты, любую реформу они могут повернуть так, чтобы она отвечала их интересам, – если вообще не они сами предложили эту реформу. Только масштабная революция решит проблемы тюрем, полиции и преступности, но нужно понимать, что революция – это не показательное побоище, а длительный процесс борьбы, роста, разрушения и созидания.

Поддержание активизма

По тому, как много сил уделяет система уголовного правосудия осуществлению контроля над угнетенными сообществами, видно, что именно их интересы активисты должны защищать в первую очередь. Тюрьмы высасывают из общества людей и ресурсы, держат население в бедности и заставляют постоянно работать, а преступность запугивает и разделяет его. В таких условиях граждане просто не могут посвятить достаточно времени революционной работе. Обычные способы организации общественной деятельности предполагают, что у активистов есть свободное время. Но рядовым гражданам нужно заботиться о детях, они могут заболеть, их родственники могут в любой момент оказаться в тюрьме, и по всем этим причинам они вынужденно выпадают из работы. Поэтому движения нужно со временем организовывать так, чтобы все его члены были неразрывно связаны и каждый чувствовал поддержку остальных. Мы сможем очень многих привлечь на свою сторону, когда наши организации станут широкой сетью, которая будет еще и помогать каждому выживать: оплачивать аренду, ухаживать за детьми, получать лечение.

Научный активизм

Некоторые считают, что радикалы вроде нас, белые выходцы из среднего класса, неэффективно борются с тюремной системой, потому что сами никогда с ней не сталкивались: наши друзья и родственники в большинстве своем ни разу не сидели в тюрьме. Но потогонные заводы или всемирный банк тоже нам особенно не докучают и при этом являются чуть ли не основными нашими мишенями. Другая причина недовольства кроется в том, что люди, которые получили высшее образование, склонны смотреть на социальные перемены с научной точки зрения. Всемирный банк зарегистрирован на бумаге и может быть ликвидирован на бумаге. Магазины и университеты можно заставить отказаться от товаров с потогонных фабрик путем введения каких-нибудь запрещающих установлений. Но у тюрем каменные стены и ряды колючей проволоки: они гораздо более реальны и гораздо глубже укоренились в нашем обществе, чем можно представить, пользуясь таким подходом. Чтобы их искоренить, понадобится не формальный отказ, а длительная борьба, требующая самоотверженности и отваги.

Война на нашей улице

Самоотверженность и отвага – об этом постоянно говорят активисты, но многие из них не могут признать, что самая настоящая война с правительством уже идет – у них на глазах. Многих пугает даже наша склонность говорить о противодействии властям в терминах войны. Особенно этим грешат «привилегированные» активисты: белые выходцы из среднего класса, часто с высшим образованием. Они предпочитают рассуждать о военных конфликтах по всему миру, вместо того чтобы лицезреть настоящие вооруженные столкновения во дворах своих собственных домов – ведь совсем не так просто самому признать существование столь близкой и реальной опасности. Но прямо в нашей стране, у нас на глазах людей пытаются в тюрьме, полицейские расстреливают цветных и при этом пытаются завоевать доверие граждан – точно так же, как наши морпехи в Ираке (к тому же, и войска, и полиция одинаково интересуются тактиками оккупационной и противоповстанческой деятельности и в равной мере их применяют). Многие не признают эту войну или думают, что могут оставаться от нее в стороне, и из-за этого отказываются от многих форм сопротивления, например, от противозаконных действий – «благородные» повстанцы такие методы не признают. При этом в свою защиту (и в оправдание своего бездействия) они часто приводят пример Ганди и Мартина Лютера Кинга; но ни тот, ни другой не говорили, что с любой проблемой можно справиться мирным способом, а иногда и вовсе высказывались в поддержку вооруженной борьбы. Если бы все согласилось признать, что на наших улицах идет война и войну эту ведут против нас, пока мы занимаемся посторонними проблемами, наше отношение к общему делу серьезно поменялось бы – в лучшую сторону.

Нравственность государства

Наконец, многие активисты, даже анархисты, бессознательно принимают государственную мораль. В свое время их убедили, что тюрьмы защищают людей, и теперь они боятся, что, если всех заключенных выпустят, на плечи общества ляжет вся тяжесть ущерба, который они могут причинить; ему придется столкнуться лицом к лицу с преступностью, своей основной проблемой, вместо того чтобы запрятать преступников за решетку – с глаз долой. Из-за этого «привилегированные» активисты всячески поддерживают только политических заключенных – и это, конечно, важное и нужное дело, но об остальных узниках при этом забывают, полагая, что они оказались в тюрьме справедливо. Кроме того, требуя освобождения политзаключенных, обычно говорят: ведь они невиновны. И мы скажем: Мумия Абу-Джамал и Леонард Пельтье должны быть освобождены, потому что они невиновны. При этом мы воспользуемся теми же моральными принципами, что и государство, но для нас они не будут иметь исключений, в отличие от предвзято судящих властей. Все выглядело бы намного проще, если бы эти двое строили свою защиту в суде на заявлении о своей невиновности (а все свидетельства это подтверждают), но давайте подумаем: так ли уж это важно? Полицейские в Филадельфии убивали черных за их политические убеждения – государство не сочло их виновными, а Мумия Абу-Джамал не имел права стрелять в полицейского, который жестоко избивал его брата? Военные при поддержке ФБР убили десятки индейских активистов, и государство не сочло их виновными – почему тогда Леонард Пельтье не имел права убить агентов ФБР, которые вторглись в земли коренного населения? Неужели люди не имеют права защищать свою жизнь, если нападающие на них убийцы носят полицейское удостоверение?

Правительство не имеет права сажать людей за решетку, потому что нет преступления, которого не совершило хотя бы однажды оно само, с гораздо более опасными последствиями. У многих преступлений, за которые люди сейчас отбывают срок, не было ни одной жертвы; в других случаях преступлениями почему-то называли происшествия характера практически личного, которые имели значение только внутри отношений между преступником и жертвой или только в сообществе, которому они принадлежат. Любое сообщество должно сделаться сильным и полномочным настолько, чтобы все свои проблемы снова решать самостоятельно, иначе общество так и будет зависеть от правительства и так и будет вынуждено позволять ему вмешиваться в свою жизнь.

Постскриптум

10 декабря 2005 года (в Международный день защиты прав человека), в день, когда все обсуждали вскрывшиеся нарушения прав человека в Абу-Грейб и Гуантанамо, у городской тюрьмы Ричмонда собралась группа людей, чтобы выразить протест против плохих условий содержания в этом учреждении и привлечь внимание к злоупотреблениям в пенитенциарной системе Вирджинии вообще. Для работы по подготовке этого протеста объединились люди, которым раньше никогда

не доводилось действовать вместе: черные и белые, местные активисты различных правозащитных движений со всей страны, бывшие заключенные, родственники людей, которые сидели за решеткой на тот момент. В одну из групп по организации протеста входило несколько заключенных из колоний строго режима Вирджинии: так в протесте против злоупотреблений в тюрьме смогли поучаствовать сами жертвы. Один из них написал обращение, которое мы зачитали во время акции, другие составили и подписали письмо со словами поддержки своим товарищам по несчастью, разосланное нами заключенным по всему штату. Протестующие скандировали достаточно громко, чтобы узники их услышали; они стояли у окон тюрьмы и махали демонстрантам руками. Вечером того же дня мы провели встречу, на которой выступающие подробно рассказали о проблемах тюремной системы и о том, какие усилия уже предпринимаются общественными движениями, чтобы эти проблемы решить. На следующий день делегация проделала шестичасовой путь до колонии Рэд Онин, чтобы доставить обращение с требованием остановить избиения и нарушения прав заключенных; шествие привлекло внимание СМИ и встретило поддержку у населения, и такая гласность должна сильно стеснять тюремных надсмотрщиков и удерживать их от злоупотреблений.

Но весь этот протест был бы только представлением для СМИ, если бы в его основе не лежала огромная работа, проделанная активистами – в основном из бедных районов. Благодаря их усилиям, мы смогли обеспечить всем нуждающимся заключенным немедленную поддержку, установить с ними связи и создать организацию людей, пострадавших от тюремной системы, как раз по сетевому принципу, о котором говорилось выше. Мы, «привилегированные» активисты, в свою очередь, привлекали людей, организовывали движение и координировали его деятельность по всему штату, потому что у нас было больше свободного времени и более широкий доступ к соответствующим ресурсам. Но создания в рамках нашего движения еще одной иерархической структуры мы не допустили. Во-первых, ни один «непривилегированный» участник движения (цветной или родственник заключенного) не потратил время зря и получил от участия в нем вполне конкретную пользу: например, они нашли для себя лучшую компанию, получили доступ к ресурсам, в которых им раньше было отказано, помощь в организации собственных проектов; они смогли рассказать о своих проблемах в СМИ, привлеченных протестом. Во-вторых, мы, «привилегированные» активисты, старались не воспитывать своих товарищей, а слушать их и учиться у них; мы доказали, что действительно работаем вместе, а не набираем цветных, мнение которых нам безразлично, просто для массовки; полномочия по принятию решений мы разделили с «непривилегированными» участниками движения поровну, а их проблемам и сомнениям старались уделять основное внимание. Мы не вводили единое и постоянное управление, чтобы не предоставлять право его осуществления ни одному из движений, которые приняли участие в нашем протесте (или группе каких-то избранных участников), и не лишать каждого полной свободы действий. Наконец, мы пытались всякий раз выбирать стиль (электронная почта или телефон, формальное или неформальное обсуждение) и пространство (ресторан с душевной кухней или с веганским меню) для общения, которые были бы нашим товарищам наиболее приятны. Конечно, не всегда все шло гладко, но, я думаю, мы двигались в правильном направлении.

Всего за несколько месяцев мы научили множество людей работать в общественном движении, создали у них правдивое представление о пенитенциарной системе со всеми ее злоупотреблениями, дали надежду и оказали поддержку тысячам заключенных, вовлекли их самих в протестное движение и установили прочные отношения дружбы и взаимопомощи между разными людьми, борющимися против тюрем. Мы надеемся, что созданные нами сетевые структуры продолжат расти, а их участники – бороться за расширение прав и возможностей заключенных, а также сообществ, против которых направлена государственная тюремная политика, и вообще всех людей, на которых легла черная тень пенитенциарной системы и зависимых от нее репрессивных властей.

В ловушке правосудия: закон и бессилие общества

Правосудие – это многогранное понятие, которое нельзя перечеркнуть одним росчерком пера. Можно сказать, что правосудие имеет две ипостаси – отдельную, четко очерченную институциональную форму, общеизвестную в Европе и Америке как уголовное правосудие, и популярное, неформальное проявление в общественном мнении и ценностях, отстаиваемых общественными движениями, известное как общественное правосудие. Этим двум аспектам свойственно постоянно подвергаться оспариванию, изменениям и переформулировкам, но, в большинстве случаев, противоречие между ними приводит к социальному конфликту, поэтому общественные движения пытаются повлиять на институциональное правосудие, как и представители последнего пытаются повлиять на общественное мнение о том, что такое правосудие. Я считаю, что концепция правосудия, объединяющая социальный и государственный аспекты, имеет некоторые сходства с незападными структурами восстановительного правосудия и системами разрешения конфликтов, которые не подпадают под определение систем правосудия. Кроме того, на мой взгляд, именно привычка общественных движений объявлять в качестве ценности социальную справедливость и вступать в диалог с институтами правосудия или предъявлять им требования позволяет государству вмешиваться в их деятельность и контролировать ее. Затем я расскажу случай из жизни, который раскрывает некоторые противоречия и расстановку сил в практике правосудия.

Все свои аргументы я привожу с точки зрения анархиста, а также человека, бросившего университет, и бывшего заключенного. Иными словами, я пытаюсь вмешаться в академический дискурс извне и говорить о правосудии не с позиции элиты, которая может вносить предложения о способах регулирования, а с точки зрения человека, который такое регулирование ежедневно испытывает на себе. Хотя, не забывая о целевой аудитории, я по возможности придерживаюсь стиля, принятого в академических кругах, некоторых читателей могут смутить нарушения академического этикета на страницах этой статьи, к примеру, в отношении используемых мной источников информации. Сложно сказать, удалось ли мне скрыть тот факт (и если не удалось, я готов это признать), что я не проводил углубленного изучения литературы о правосудии, будь то социальный или государственный его аспект. Осмелюсь подвергнуть сомнению традицию использования литературы, хотя она и имеет свои преимущества. Где это возможно, я привожу цитаты, в других местах – просто излагаю собственные выводы, не имея информации о том, был ли тот или иной аргумент уже высказан или опровергнут в литературе.

Научная литература очень часто заиклена сама на себе; если она и содержит впечатления и мнения людей, прошедших тюремное заключение и суд, получивших

условный срок или рассказавших о подобном опыте своих друзей и родственников, то это всегда выборочные и обработанные по определенным критериям сведения. Я побывал в заключении, несколько моих друзей сейчас в тюрьме или иным образом находятся в заложниках у системы правосудия, и поэтому свою жизнь я посвящаю борьбе с государством, не скрывая конечной цели – однажды сравнять с землей все тюрьмы и суды. В ходе этой борьбы я получил знания, опыт и, что самое главное, понимание эмоциональной составляющей, которые постыдно отсутствуют в литературе о системе правосудия. В этой статье я использовал только литературу, имеющую отношение к общественным движениям, в которых я участвую. Все остальное я оставляю в стороне не из отсутствия интереса, но из-за нехватки времени. Я не знаю ни одного человека, который жил бы полной жизнью одновременно и в мире книг, и в мире действия, как бы ни возражали многие люди, которых я бы отнес к миру литературы, против такого противопоставления. Я решил участвовать в социальной борьбе, а не изучать ее, но из-за этого мне так же часто приходится общаться с людьми за ее пределами, как и с теми, кто в ней участвует, – поэтому я и взялся за эту статью.

Другое нарушение академической этики можно усмотреть в обобщениях, наиболее очевидных, пожалуй, в моей критике академического дискурса. В частности, в ответ на выше упомянутую критику в адрес ряда институтов, несколько романтически именуемых «академией», их представители сразу же потребовали от меня уточнений. В такой форме, сказали они, ваша критика несправедлива. Какую научную дисциплину вы имели в виду? Каких конкретно авторов? Что вы понимаете под «рекуперацией»?¹ С одной стороны, это справедливое замечание. С другой стороны, такая дискурсивная оборона характерна для всех элитарных институтов, практикующих ненасильственные способы борьбы с антиправительственными силами. На такую же логику, особенно во время социальных беспорядков, опираются средства массовой информации, хотя нужно признать, что и среди их сотрудников есть прогрессивные, понимающие и гуманные люди. Все уточнить, все определить, все разграничить. Разъединенные участники социума ни в чем не должны сходиться, границы между ними не должны размываться.

Сходство между этой дискурсивной моделью и социальным отчуждением, которое порождает капитализм, очевидно. В любом случае, есть у них веские аргументы или нет, и протестующие, и заключенные чувствуют и знают по опыту, что академическое сообщество им не союзник. Вместо того чтобы требовать объяснений или выискивать исключения из правила, ученым, которые не считают, что имеют отношение к рекуперации и вивисекции общественных движений, стоит задуматься, почему же по отношению к ним так часто применяется такое огульное обобщение.

Со своей стороны, я честно пытаюсь общаться с представителями этого института – хотя и считаю, что, как и тюрьма, он должен быть уничтожен – потому, что знаю хороших людей, посвятивших ему всю свою жизнь.

---

¹ Рекуперация – понятие в социологии; процесс адаптации, искажения и нейтрализации радикальных политических идей и образов капиталистическими институтами, медийной культурой или правящим классом для использования в их собственных целях, в результате чего данные идеи лишаются первоначального смысла и ассимилируются массовой культурой. – Прим. пер.

И в научной литературе, и в книгах, выпускаемых общественными движениями, нет недостатка в критике системы правосудия. У радикально настроенных авторов можно найти глубоко обоснованные, разумные призывы к отмене ее институтов, насильственный характер которых наиболее очевиден: полиции (например, у Уильямса, 2004) и тюрем (например, Матисен, 1974, или Биссонетт, 2008). Во многих работах закон сам по себе рассматривается как орудие в руках элиты (например, Томсон, 1975). Однако как средства массовой информации иногда сообщают об отдельных случаях злоупотреблений со стороны полиции или тюрем, никогда не позволяя себе критиковать систему в целом (что следует отличать от их периодических призывов к ее модернизации), так и общественные деятели могут критиковать эти институты, но редко подвергают сомнению практику и концепцию правосудия, на которых они основаны. Напротив, люди, которые высказываются и активно противостоят огромному ущербу, который наносят обществу эти институты, нередко действуют во имя справедливости. Среди этих поборников справедливости – ученые-анархисты, такие как Ноам Хомский, который часто призывает к исполнению на практике международного права; протестующие, которые каждый год выходят на улицы с плакатами «Справедливость для Мумии Абу-Джамала» или «Справедливость для Палестины». Они либо призывают существующую судебную систему изменить решение – ведь Мумия уже предстал перед судом, а ООН после тщательного обсуждения решила разделить Палестину – либо предлагают новую систему правосудия, которая будет лучше организована, чтобы выносить адекватные решения.

Но для кого они должны быть адекватными? Полицейские профсоюзы вполне довольны приговором Мумии, а мировые лидеры и иудеохристианские организации удовлетворены справедливым решением судьбы земель к западу от реки Иордан. Эти примеры подчиняются общепринятой схеме: определение преступности, структура и результаты правосудия в нашем обществе поддерживают привилегированных и облеченных властью, а не бедных и бесправных членов общества. Это правило действует для разделения как по экономическим классам, так и по другим шкалам привилегированности или угнетенности, таким как расовая или половая принадлежность. Так как любая система правосудия стремится получить общественное одобрение, как будет сказано ниже, системы правосудия также предусматривают ограничения привилегий крупных собственников и правителей, а в исключительных случаях даже наказание, если эти люди нарушают общепринятые законы. Такие ограничения, в основном, защищают привилегированных членов общества друг от друга – к примеру, запрещают инвесторам обманывать других людей, обладающих капиталом, достаточным для инвестирования, – чем способствуют консенсусу элит. Показной публичный характер объявленных наказаний в сочетании с непропорционально жалким количеством прецедентов показывают, что их истинная функция – легитимизация универсальности и непоколебимости системы правосудия, которая, исполняя и нарушая эту функцию, сохраняет неравное распределение достатка и власти в обществе. Другими словами, существующая система обеспечивает подобие справедливости, но только для привилегированных и имеющих влияние в обществе. То, что принято называть несправедливостью, является таковой только для бедных

и бесправных. Существующая судебная система демонстративно опирается на элитарный менталитет социального контроля, так что поборников справедливости, которые хотят, чтобы данные институты изменили свое мнение, следует воспринимать как людей наивных, из робости прагматичных или относящихся с пониманием к мышлению элит, но имеющих свое мнение в некоторых отдельных случаях.

Итого остается две точки зрения – что существующая система справедлива или может стать справедливой лишь после изменения существующих институтов, и выбрать можно только одну из них, учитывая, что эти точки зрения противоположны и совершенно по-разному смотрят на социальную иерархию. Можно принять точку зрения либо того, кто властвует, либо того, над кем властвуют, это и будет определять, будем ли мы воспринимать действия системы как справедливые или несправедливые. Но сама мысль о том, чтобы занять чью-то сторону, противоположна идее правосудия, которое должно быть слепым и беспристрастным. Данное противоречие наталкивает на неизбежный третий путь – путь ликвидации социальных классов через некий революционный процесс. При определенной формулировке это предложение не покажется таким уж радикальным, если учесть, что равенство считается необходимой предпосылкой справедливости, а нынешнее определение равенства, ограничивающееся избирательными правами и гражданскими свободами, доказало свою несостоятельность. Таким образом, борьба за справедливость оказывается идеально совместимой с революционными целями некоторых общественных движений. Я считаю, что это сосуществование, эта связь между социальным правосудием и революцией является одним из факторов, способствующих рекуперации общественных движений внутри доминирующего общественного строя.

Чтобы понять, почему так происходит, необходимо разобраться, как далеко общество ушло от идеи справедливости. В противоположность рассмотренной системе существует множество примеров восстановительного правосудия. Немалое количество сообществ разрешают социальные конфликты без полицейских учреждений, тюремного заключения, без механизмов, которые можно было бы назвать наказанием или кодексом. В традиционной системе народа Навахо, которая была какое-то время запрещена американским правительством, а теперь снова действует, люди старшего возраста, считающиеся беспристрастными, выступают в качестве избранных судей в публичных разбирательствах. Остальные члены общества добровольно выносят обстоятельства конфликта на обсуждение, а судьи призывают каждого высказаться. Главное внимание уделяется определению причины раздора и привлечению членов общества к его разрешению (Тиффт и Салливан, 2001). По сравнению с европейской и американской системами правосудия практика Навахо удивительно гуманна, но некоторые ее элементы нам знакомы. Их мы рассмотрим далее, после того как изучим модель урегулирования конфликтов, которую нельзя классифицировать как систему правосудия, что позволит нам сформулировать и понять рабочее определение правосудия и предложить возможные альтернативы.

Это так называемая модель диффузных санкций (Барклей, 1993), особенно характерная для эгалитарных обществ: постгосударственных образований или обществ, являющихся частью региональной системы, состоящей из иерархических сообществ. Другими словами, это антиавторитарные сообщества, которые находятся в напряженных отношениях с авторитарными соседями или сформировались в процессе

отказа от государственных систем, к которым они принадлежали ранее (Скотт, 2005). Разрешение конфликтов в таких обществах субъективно, децентрализовано, диффузно и осуществляется посредством, как сказали бы анархисты, прямого действия. Кстати, экономической моделью в таких обществах обычно является взаимопомощь или экономика дарения.

Определение конфликта в этой модели субъективно. Предполагается, что человек выявляет суть конфликта сам и в горизонтальном сотрудничестве с равными себе, опираясь на личное понимание некодифицированных культурных ценностей, определяющих, какое поведение приемлемо, а какое нет. Разрешение конфликтов децентрализовано: оно происходит не в ритуализированном, формализованном общественном пространстве, а в различных ритуализированных и неритуализированных пространствах. Таким образом, нельзя говорить о единственном или официальном решении конфликта. И наконец, решение споров в этой модели диффузно и основано на прямом действии, то есть каждый отдельный человек имеет право реагировать на предполагаемый конфликт или неприемлемое поведение так, как считает нужным, и общественное согласие обеспечивается посредством совместного исполнения этой обязанности, а не наделяния ею отдельных лиц. Общественные санкции направлены на профилактику, а не наказание антиобщественного поведения, и в идеале каждый имеет право их осуществлять. К распространенным санкциям относятся насмешки, критика, запрет на важные социальные связи (например, сексуальные отношения или дружбу) вплоть до ostracism и казни (Бём, 1993). Санкции направлены на социальные чувства нарушителя и основаны на предположении, что человек хочет быть достойным членом общества. Только самая крайняя санкция, убийство, не вписывается в эту логику, но, судя по всему, к ней прибегают не во всех обществах, разрешающих конфликты при помощи диффузных санкций, и она допускается в редких случаях, когда нарушитель несет угрозу уничтожения общества: например, может совершить повторное убийство или попытаться захватить власть.

Важную роль в таком разрешении конфликтов играют преднамеренные механизмы уравнивания, которые призваны сохранять горизонтальные связи в обществе и предупреждают людей, занимающих руководящие должности, от попыток доминирования над другими членами общества (Бём, 1993). Социальная динамика в горизонтально организованных обществах позволяет предположить, что демократическое понимание идеала эгалитаризма не применимо к так называемым эгалитарным обществам, в которых не существует системы правосудия. В обществе, где разрешение конфликтов в идеале субъективно, абстрактная идея равенства кажется мне неуместной с позиции философии. Теоретически и в таких обществах можно найти равенство, например, право каждого на еду, но это право никогда не подвергается в них сомнению, это, скорее, неизбежное следствие общественного устройства, а не отдельно существующая концепция. Так исторически сложилось, что права человека подвергаются сомнению только при наличии центральных органов власти, которые могут ими наделять или, наоборот, не предоставлять их. То есть не только с точки зрения практики, но и с точки зрения происхождения прав человека верно утверждение «право на стороне сильно-го».

Люди могут быть равны только в абстрактном смысле этого слова. Равенство – это математическая концепция, которая может пригодиться бюрократу, но не применима к личности и ее способностям. Анархистам нужно навсегда забыть о социальной демократии и настаивать на том, что на свете нет двух равных людей. Если мы признаем, что потребности и желания у всех людей разные и, соответственно, лучше всего определяются самим человеком, то как мы можем продолжать утверждать, что к разным людям или в разных обстоятельствах можно применять один закон, если мы хотим справедливости или удовлетворения человеческих потребностей и желаний? Это, конечно, экстраполяция, но такой принцип можно разглядеть в основе эгалитарных, а точнее, антиавторитарных обществ, о которых рассказывает Бём. В повседневной жизни они признают существование лидеров, например в охоте, на войне, в совершении ритуалов, врачевании или ораторском искусстве, ведь люди имеют разные склонности и способности, поэтому слово «равенство» ничего не значит, если говорить о жизни людей в горизонтальном обществе. Что действительно важно, так это, словами Бёма, культурная установка этих антиавторитарных обществ не позволять никому использовать свою позицию лидера для установления власти над другими и использовать диффузные санкции и преднамеренные механизмы уравнивания, чтобы выбить почву из-под ног у того, кто попытается поставить себя выше остальных. Признание этой прерогативы каждого члена общества особенно ценно для сохранения горизонтальной структуры, учитывая, что существование избранных судей может способствовать развитию иерархии.

На протяжении сотен или тысяч лет государства формировались по всему миру разными способами. Причины их возникновения невозможно восстановить хоть сколько-нибудь точно, особенно если речь идет о первых иерархических сообществах, классовых или кастовых, тысячи лет назад. Однако общественные процессы, которые привели к образованию государств, объединяет идея справедливости и выделение в особую категорию людей, выступающих в качестве судей в социальных конфликтах. Возможно, это идеализация и не совсем верное предположение, но историческая вероятность того, что в развитии государства судьи были предтечей профессионального класса воинов, позволяет предположить, что государство, которое, чаще всего, является военным образованием, еще более является плодом правосудия.

Предоставление исключительного права наказывать за нежелательное поведение, а значит, и определять, какое поведение является нежелательным, и формировать желания общества, на мой взгляд, является предпосылкой (или сопутствующим фактором) к созданию классового, иерархического общества. Тем не менее, это не значит, что существование системы правосудия неизбежно приводит к появлению иерархического общества: в социальных и культурных процессах связи между событиями никогда не бывают столь однозначными. Например, существование у народа Навахо особого класса судей с сохранением горизонтальной структуры общества, возможно, связано с тем, что деятельность беспристрастных судей-старейшин основана у них на тех же культурных установках, что и идеи справедливости, гармонии и горизонтальной структуры. Сегментарное общество, в котором становится возможным существование судей-старейшин как зарождающегося политического класса, также обладает многими структурными характеристиками, которые препятствуют

развитию государства. Но, так как мы не разделяем механистический взгляд на развитие общества, утверждение о государстве как плоде правосудия не равнозначно утверждению о том, что правосудие сеет семена для зарождения государства. Результаты социальных процессов всегда разные, спорные и непредсказуемые.

Человеческие общества всегда были настолько разнообразны, что при желании можно представить себе даже общество с принудительными иерархическими структурами, но без системы правосудия. Так или иначе, существует множество примеров взаимосвязи систем правосудия и развития государства. В западной цивилизации, создавшей доминирующую в мире культуру, которая в большой степени стала автором постановлений всех правительств на планете, правосудие играло образующую роль на ранних этапах развития государства, а теперь является доминирующей концепцией, на которую государство опирается, вмешиваясь в формирование психологии масс, общественного мнения и представлений народа о правильном разрешении конфликтов, в государственной политике борьбы с инакомыслием и репрессиях против общественных движений, в наблюдении и контроле над низшими слоями общества, в идентичности и деятельности общественных движений и в подчинении широкого круга отношений в общественной и частной сферах.

Что же объединяет разные системы правосудия? Поскольку цель отправителей правосудия – насадить официальное и единственно правильное решение конфликта, им необходим общественный консенсус. В негосударственных обществах это означает, что идея справедливости формируется обществом. Деятельность судей не закреплена законом, поэтому они могут растерять своих сторонников, если их решения покажутся обществу несправедливыми. Но даже в государстве, где правосудие институционализировано и принудительно проводится в жизнь, общественный консенсус или его смягченная демократическая форма совершенно необходимы. Тем, кто теперь является членом элиты, пришлось немало постараться, чтобы добиться общественного согласия. Нашим правителям понадобилось немало хлеба и зрелищ, чтобы удерживать нас на зрительских местах, хотя теперь управляемым классам в Европе и Америке недостаточно просто встать с места и уйти, чтобы освободить свое место зрителя/объекта.

Через необходимость общественного согласия раскрывается централизованный характер правосудия. Идеал правосудия в западной системе предполагает, что у каждого конфликта должно быть единственное, официально одобренное решение, а не множество децентрализованных решений, вынесенных разными субъектами общества. Законность и наказание не играют ключевой роли в удивительных и, на мой взгляд, гуманных традициях правосудия, вроде той, что применяется народом Навахо. В то же время в западной правосудии централизация является предпосылкой и законности, и наказания: законность как кодификация поведения человека и нравственности является целым набором мощных инструментов социального контроля и низводит этику до выполнения приказов; наказание – прерогатива государства безнаказанно причинять вред и еще один мощный инструмент общественного контроля.

Другой элемент, свойственный различным системам правосудия, – идея его нейтралитета. В рамках этой идеи вторичными становятся жизненная ситуация и человека, который пострадал, и человека, который по каким-либо причинам нанес вред

другому. Им обоим приписывается предвзятость, а их мнение считается ненадежным для справедливого разрешения противоречия. Нейтральность удаляет справедливость на недостижимую высоту, так что в теории никто не должен становиться главным персонажем процесса. Но на практике главным героем становится воплощение беспристрастности – сам судья. (Эта примитивная эпистемологическая ситуация самым непосредственным образом связана с растущей популярностью в современной Америке телесериалов, главными героями которых являются судьи, прокуроры и полицейские.) Таким образом, самым важным человеком в процессе правосудия, человеком, который оказывается в центре эмоционального внимания пострадавшего сообщества, становится тот, кто наименее связан с причинившим вред действием. В таком понимании нейтральность правосудия кажется не благородным принципом, а скорее патологическим нежеланием сообщества взглянуть в лицо проблеме, которую оно, как предполагалось, должно было разрешить. Совершенную противоположность западной практике представляет восстановительное правосудие, где судья выступает в роли некоего рассказчика, использующего данные ему полномочия, чтобы сделать непосредственных участников конфликта центральными действующими лицами, предположительно в интересах всего общества. Но во всех формах правосудия, с которыми знакомы европейское и американское общества, и во всех формах, присущих иерархическим сообществам, главная цель правосудия – насаждение этого же правосудия, учитывая, что преступления низших классов всегда содержат какой-то элемент отрицания права правящего класса на классификацию определенных видов поведения как преступных.

Важно также рассмотреть восприятие эмоций и психологических связей как помех правосудию. Нейтралитет судьи в большой степени основан на его психологической и эмоциональной удаленности от действия, причинившего общественный ущерб, которое он должен судить. Эта дистанция считается преимуществом. Но какое решение может вынести общество без сочувствия, без осознания боли, которое окружает и составляет содержание каждой отдельной истории общественного вреда? Превращая каждую отдельную жизненную ситуацию в набор фактов и формальностей, такая система устанавливает нормы поведения, которые позволяют не задумываться о причинах и последствиях этого конфликта и разрешают обществу существовать как ни в чем не бывало. Правосудие – это механизм, дающий обществу возможность избежать ответственности: так называемый нарушитель остается наедине с осознанием вины или с отказом от ее признания; так называемая жертва стыдится своей психологической травмы, а с общества ответственность снимается. Преступление было нарушением нормы поведения, которое коснулось одного, двух или нескольких человек, виновные были наказаны, а остальные не обязаны ни помогать тем, кто совершил проступок, и тем, кто пострадал, восстановить здоровье и психологическую целостность, ни задумываться о том, что в существующей общественной среде позволило произойти инциденту. Правосудие в этом плане – патриархальная концепция. Его официальный символ – богиня с завязанными глазами, держащая в руках меч и весы: символы военной силы и рынка.

Правосудие требует, чтобы мы рассматривали человеческие отношения в понятиях нечеловеческих. Те из нас, кто имеет какое-то отношение к конфликту, должны абстрагироваться от его разрешения, забыть о своих личных эмоциональных по-

требностях, чтобы не мешать вынесению объективного решения, в котором мы не участвуем и с которым вынуждены согласиться за неимением выбора. Но мы вынуждены соглашаться вопреки собственным интересам. Правосудие – это измена самому себе. Учитывая сходства различных элементов правосудия как объединяющей концепции, а общественные движения оспаривают, как правило, только организацию или дух институционального правосудия, эти протесты, не касающиеся сущности правосудия, можно считать приглашением к предательству.

Помимо отдельных случаев причинения общественного ущерба – того, что в нашем обществе называется преступлением, – что такое справедливость в понимании общественных движений? Когда общественное движение требует справедливости, даже если оно требует реструктуризации существующих институтов, отчуждение людей от решения их собственных проблем сохраняется. Требование справедливости создает логику требований внутри движения – переговоры с властью, а не отрицание власти. Переговоры предполагают сохранение центральной роли государства, институциональной иерархии, которая зачастую и является причиной того, что мы считаем несправедливостью, и заинтересованным в ней субъектом. Тем временем, ритуал прошений – протестов, петиций, писем – направляет энергию поборников справедливости на связь с государством, а не непосредственное разрешение самой проблемы. В результате сохраняется противоречие между нашими целями и действиями. С другой стороны, добровольно принимая правила, навязанные государством, общественные движения становятся уязвимы для того, что Скотт назвал «понятностью», «прозрачностью» (1998): упорядочивание общества, которое с одной стороны, облегчает государственное вмешательство в удаленных от центра власти местах и вместе с тем лишает государство понимания ситуации на местах, препятствуя решению проблем на локальном уровне. Исторически такой процесс часто приводил популярную общественную оппозицию к власти, но, к сожалению, в демократическом обществе общественные движения постепенно приучились отказываться от своей защитной несвязанности с властями и оправдываться, реконструировать свои многочисленные пожелания в соответствии с параметрами власти, выстилая для государственного вмешательства красную ковровую дорожку. Такой язык справедливости создает в общественном сознании идею о важной роли государства в урегулировании конфликтов, так как общественные движения призывают к назначению справедливого судьи или компромиссу всех сторон конфликта, но не отрицают главенства элиты. Этот язык справедливости также помогает власти найти пути вмешательства в общественные конфликты, которые могут перерасти в восстание. Он помогает государству понять, чем больше всего недоволено общество, какие маски пора сменить, какие институты нужно реформировать. Требуя от государства справедливости, общественное движение фактически называет сумму, которой можно от него откупиться.

За примером далеко ходить не нужно – это движение сквоттеров в Барселоне. Барселона – город с давними традициями сопротивления государству и капиталу, довольно сильных общественных движений, ошеломляющего по размаху туризма, огромных инвестиций в недвижимость и десятков тысяч пустующих зданий. Сквоттинг – самовольное заселение в пустые дома – так же стар, как идея собственности, но как общественное движение он зародился в 1980-е годы в Барселоне. По

характеру сквоттинг был ближе к автономным движениям Северной Европы, чем к городской традиции анархо-синдикализма, хотя и испытал на себе его влияние. Раньше сквоттеры оказывали гораздо более активное физическое сопротивление, защищая свои дома и социальные центры. На стенах по всему городу красовался лаконичный популярный слоган: «Desalojos – Disturbios», что значит «Выселения – беспорядки». В первом десятилетии XXI века испанская – в особенности каталонская – полиция была модернизирована и расширила свои возможности для использования мер подавления. Комплекс антитеррористических мер, направленных на подавление сопротивления басков, был усовершенствован до такой степени, что они стали применимы против анархистов и сквоттеров. Без сомнения, вдохновило испанские власти ловкое манипулирование угрозами терроризма, развернувшееся в США после 11 сентября. В те же годы, когда несколько анархистов и сквоттеров Барселоны были арестованы по надуманным, а иногда просто несостоятельным обвинениям в терроризме и рассеяны по тюрьмам строгого режима по всей стране; когда давние традиции избиений на улицах и пыток в тюрьмах дополнились увеличением количества приговоров и заключением под стражу тех людей, которых в средствах массовой информации определили как «антисистемных»; когда в городе принимается закон в стиле законов о гражданском долге а-ля Руди Джулиани для усиления государственного контроля за публичным пространством и создания благоприятных условий для развития туризма – именно тогда система уголовного правосудия стала единственной ареной для разрешения проблемы сквоттинга.

Если раньше сквоттер мог взять в руки кирпич, чтобы защитить свой дом, то теперь может только нанять адвоката, хотя и в этом случае он обречен: физический отпор слишком строго преследуется и наказывается. Однако суды смиренно бездействуют, так что, сражаясь против выселения в судебном порядке, можно выиграть год или даже два и пожить в пустующем доме, пока судья наконец не подпишет ордер о выселении. И хотя сквоттеры не оставляют попыток вернуть брошенные дома, суды не позволяют подвергать сомнению законы, регулирующие право частной собственности, препятствуя тем самым воспользоваться гарантированным Конституцией Испании правом на жилье и содержащимся в ней же запретом на спекуляции с недвижимостью. Своим решением проблемы сквоттинга испанское правосудие уклонилось от решения важных социальных вопросов, которые ставит сквоттинг как прямое действие против спекуляции, идеи собственности и социальных отношений, навязанных капитализмом. Правительство тактически успокаивает движение, приучает сквоттеров направлять деятельность в русло полемики с властями или обращаться одни в элитарные учреждения (суды) для защиты от других элитарных учреждений (компаний по недвижимости и полиции, которые часто выселяют без судебного ордера). Неудивительно, что это изменение движения сквоттеров совпадает с усилением риторики, заявляющей о ценности прав, гражданской позиции, гражданского общества, гражданского неповиновения, и выдвигающей требование доступного жилья (т. е. требование, совместимое с государством и капитализмом, а не отрицающее их) ценой антикапиталистических и анархистских ценностей, которые были прежде важны для движения.

Призыв к справедливости, даже если он направлен против государства, содержит подтекст прощения, идеализирующий благосклонную власть – беспристрастного,

централизованного арбитра, способного выносить единственно правильные решения и добиваться общественного согласия – и предписывающий типичный конец: государство возвращается, умывает руки, ему прощают все грехи, и оно снова легитимно. Государство, не испытывая мук совести, действует против самого себя. Министерство или ведомство, которому сегодня удалось избежать скандала и сохранить легитимность и мандат, может беспощадно объявить «крестовый поход» против своих коллег. Оппозиционная партия, не успевшая еще запятнать свою репутацию, легко освоит революционную риторику, которую некоторые эксперты назовут безрассудством, и выдворит из правительства старую гвардию. Но правительство продолжит существовать, его авторитет останется вне сомнения, оно только станет немного активнее после небольшой сезонной уборки. Классический пример: в 50–60-е годы Движение за гражданские права в США призывало федеральное правительство вмешаться в деятельность реакционных правительств некоторых штатов, чтобы положить конец сегрегации. В результате федеральное правительство получило рычаги влияния внутри движения, которые и использовало, чтобы изолировать и заставить замолчать правозащитные организации чернокожих и отдельных людей, которые критиковали законодательные инициативы федерального правительства. Сегодня, когда соответствующие законы приняты, а в Белом доме работает чернокожий президент, юридически сегрегация является делом далекого прошлого, но де-факто (с точки зрения доступа к продуктам питания, жилья, образованию и медицинскому обслуживанию) дело обстоит еще хуже, чем раньше. Движение за гражданские права не предприняло прямых действий, возложив роль вершителя общественного правосудия на федеральное правительство, и тем самым только помогло государству себя раздробить и покорить, перекроить его требования и улучшить при этом свой собственный имидж.

Кто-то может опасаться, что разрешение социальных противоречий путем личного прямого действия, без судьи, поставленного на свой пост силой закона – не что иное, как суд Линча.

Давняя традиция западной мысли стремилась разработать более справедливые социальные структуры разрешения конфликтов, которые решали бы эту дилемму, в которой и социальный герой (в этом примере чернокожие борцы за свободу), и социальный злодей (расистская толпа линчевателей) считают себя правыми, и, предоставив свободу действий одной стороне, мы вынуждены ее предоставить и другой. Иначе говоря, равенство перед законом означает, что социальный злодей должен иметь те же права, что и социальный герой, и, следовательно, действия обоих должны быть в равной степени ограничены. Таким образом сохраняется верховенство и прерогатива институциональной структуры, которой общество препоручило разрешение социальных конфликтов. Но ограничение свободы всех членов общества и передача этой свободы как привилегии институтам, которые достаточно сильны, чтобы гарантировать результат, означает уклонение от этой проблемы и создает ситуацию еще более опасную. В первую очередь потому, что беспристрастности попросту не существует, если под этим словом понимать позицию, с которой можно действовать без личной заинтересованности в ситуации. Судьи же имеют ярко выраженную заинтересованность, и, учитывая, что их должность и способность действовать противопоставляют их остальной части общества (людям, у которых была

отобрана свобода действия), вмешательством судей в социальный конфликт будет исподволь руководить скрытый мотив самосохранения.

Структура институтов правосудия в демократическом обществе не дает развернуться людям, представляющим для остальных угрозу, но она же связывает руки поборникам справедливости, борцам за свободу, социальным новаторам. Более того, она лишает их какой-либо значимой роли и создает целую систему учреждений, наводненных людьми, которые настолько же плохо понимают, что такое справедливость или что есть правильно, но наслаждаются своим исключительным правом судить человеческие споры, определять общественные перемены и всячески поддерживают в своей среде и среди остальных членов общества веру в эти их полномочия. Более того, эти же люди, удобно устроившиеся в системе, управляют всеми сдержками и противовесами. Это классический пример истории о лисе, поставленной блюсти порядок в курятнике, и ирония становится еще яснее, если пересмотреть миф, который используется для оправдания такой структуры разрешения социальных конфликтов, миф, основанный на страхе перед линчующей толпой. Если вспомнить историю, разве не правящий класс провоцировал толпу линчевателей?

В нашу эпоху «борьбы с терроризмом» интересно отметить, что страх перед разрешением конфликта в горизонтальном обществе, где нет верховного судьи, на самом деле отражает архетип асимметричной войны. Ситуация, в которой люди берут все в свои руки, вместо того, чтобы считаться принятием ответственности, прочно ассоциируется у нас с ужасами анархии и терроризма. Люди приучены ожидать насилия и хаоса при отсутствии сильного общественного судьи. Но то, что мы считаем терроризмом, является характеристикой общества, существующего при государственности. Диссиденты, чьи требования выходят далеко за рамки заданных государством параметров, лишены всякой власти принимать решения, касающиеся их лично, наносят удар по самому слабому месту всего общества. В рамках общества, ориентированного на систему правосудия, это вполне рациональное поведение.

Идея о том, что мы можем избежать опасности антисоциальных членов общества, прибегнув к помощи учреждений для обеспечения справедливости – это воплощение этической незрелости в государственных институтах. В оправдании ее всегда неявно присутствует утверждение, что существуют зло и добро; а если нет, то не было бы ничего плохого в том, чтобы дать свободу толпе линчевателей. Тот факт, что и линчеватели, и борцы за свободу уверены в своей правоте, не имеет значения. Помимо наших неограниченных возможностей по улучшению общества, существует и возможность взаимодействовать с другими членами общества, чтобы достичь своего рода общего общественного духа. Для нашего личного этического развития необходимо задумываться о взглядах, которые нам кажутся вредными или антиобщественными, и быть готовым воспринимать критику своих собственных взглядов. Демократический плюрализм препятствует такому развитию, что на руку государству: в этической системе, где разрешение всех вопросов отдается на усмотрение единственного судьи, всемогущего, подобно богу, и непререкаемого, от граждан высокие этические качества не требуются. Демократическое правительство отрицает саму возможность разрешения социальных противоречий. Не подвергается сомнению утверждение, что в иерархическом, классовом, патриархальном обществе,

поддерживающем превосходство белых, поощряющем насилие и уничтожающем окружающую среду, определенные противоречия просто не должны быть разрешены (Дженсен, 2004).

Частота, с которой нынешняя система порождает несправедливость (неважно, по каким критериям ее оценивать – например, можно учитывать случаи, когда по закону невиновного отправляют в тюрьму) – это трагедия огромных масштабов. Но если присмотреться повнимательнее и убедиться, что и успешное отправление правосудия – вопиющее нарушение потребностей человека, становится понятно, что наша задача – не исправить существующую систему правосудия, а полностью отказаться от нее в пользу чего-то иного. Чтобы показать, что система правосудия действует против потребностей людей, я расскажу историю о том, как меня арестовали на ложных основаниях и судили. Это, конечно, происшествие не большого общественного значения и не такое драматичное, как, скажем, история Мумии Абу-Джамала. Но, возможно, именно эта ее банальность и сближает ее с огромным количеством других процессов, которые происходят в системе правосудия каждый день.

23 апреля 2007 года я был арестован в Барселоне после небольшой акции протеста сквоттеров. Акция прошла на одной из самых людных пешеходных улиц города, Лас-Рамблас, в этот день особенно многолюдной, так как там проходило празднование дня Святого Жорди. Целью протеста было рассказать людям о движении сквоттеров. Для этого активисты подготовили праздничную растяжку и распространяли листовки. Кто-то из протестующих принес самодельный фейерверк, который должен был выстрелить в воздух листовками (такие фейерверки – традиция анархистов Каталонии). Но фейерверк был плохо сделан, и звук его вышел слишком сильным, а все листовки, которыми он был нафарширован, силой взрыва самым трагикомичным образом измельчило в конфетти. Сам я уже собирался уходить, и шум фейерверка застал меня врасплох. К тому времени я провел в Каталонии только три недели и не понимал ни по-каталански, ни по-испански. Я вернулся и увидел, что полиция гонится за одним из протестующих, и думая, что я в безопасности, потому что меня уже не было на месте, когда взорвался фейерверк, я проследовал за ними на некотором расстоянии, чтобы предложить юридическую помощь, если арестуют кого-то еще. Но я совсем забыл, что на мне футболка с символом анархии (это был подарок – обычно я не одеваюсь так явно), и когда полицейские увидели, как я наблюдаю за арестом, они арестовали и меня. В итоге мне и еще одному активисту были предъявлены обвинения в нарушении общественного порядка с применением взрывчатых веществ, что наказывается лишением свободы на срок от трех до шести лет.

С точки зрения формального правосудия все закончилось очень просто: справедливость восторжествовала. Полиция утверждала, что это был не фейерверк, а мортира, выстрелила она камнями, произвела повреждения в городе и ранила людей. Экспертиза показала, что это был просто фейерверк, и свидетели подтвердили, что никаких травм и повреждений не было, шум не вызвал паники или беспорядка. Мы были оправданы. Вот и вся история.

Но с человеческой точки зрения важнее всего не этот результат. Важен опыт, довольно показательный для жизни под властью системы: она настолько всевластна, что может отдать человека под суд по причинам, на ее взгляд достаточным. В моем случае это означало попасть в тюрьму в чужой стране (только кажется, что это не

страшно, пока такое не случится с вами; а я оказался за решеткой еще и практически слепым, потому что меня арестовали в контактных линзах, и через пару дней я был вынужден их снять) и провести там неделю, пока активистам движения не удалось собрать беспрецедентно высокий залог в 30 тыс. евро, – судья установил его, основываясь только на утверждениях полиции о том, что мы организовали псевдотеррористический акт. После этого я два года ждал суда, и мне пришлось жить в чужой стране без знакомых, без друзей; весь первый год я должен был каждые две недели отмечаться в суде; мне не давали разрешения на работу и не продлевали визу, но я был вынужден оставаться в стране в постоянном страхе, что меня поймают и запрут в весьма неприятном месте, где я провел бы от трех до шести лет своей жизни под надзором откровенных головорезов. Кроме того, я должен был где-то найти несколько тысяч евро, чтобы оплатить услуги адвоката (потому что в рамках этой системы мы не можем защитить себя сами, во всех смыслах этого слова). И даже теперь, когда все позади, я знаю: эта история может повторяться снова и снова, и, что еще более оскорбительно, те же самые полицейские, которые обвинили меня в первый раз – а когда выяснилось, что они лгали, все просто промолчали – могут снова выдумать повод для моего ареста.

Интересна и этическая сторона этого случая. Юридически я ни в чем не виновен: я не делал фейерверк, не запускал его и вообще о нем не знал; этот фейерверк не был в действительности оружием, и его применение уголовно не наказуемо. Однако система правосудия и тут оказалась совершенно нерабочей как механизм поиска истины, и в этом заключается ирония истории, учитывая, что для уголовного следствия в приоритете факты и определения, а не эмоциональные причины и результаты. Мне пришлось скрыть, что я близок к сквоттерам по политическим взглядам, отрицать, что если бы не языковой барьер, то участвовал бы в их акциях гораздо активнее, и что был не просто прохожим. Я не стал рассказывать, что в тоже день помогал делать растяжку, с которой выступали активисты, и что ночевал в сквоте, у которого началось шествие, потому что каких бы правовых принципов ни придерживались судьи, для них все равно существует вина за социальные связи, коллективная ответственность, особенно при работе с «инакомыслящими» вроде сквоттеров. Все вопросы, которые мне задавали или так и не задали мой адвокат и прокурор, подтверждали это негласное правило. Организаторы акции, в свою очередь, были вынуждены скрывать (по крайней мере, на судебном следствии), что использование фейерверка на самом деле было безответственным: сделали его плохо, заранее не испытали, и о планируемом его использовании не знали участвовавшие в акции или оказавшиеся поблизости.

Это подводит нас к социальному аспекту инцидента: действительно, фейерверк взорвался достаточно громко и мог помешать или напугать кого-нибудь из оказавшихся рядом людей. Но вмешательство полиции помешало решить эту проблему и превратило всех в свидетелей преступления и преступников, разделив эти две категории. Неприятности, которые мог причинить фейерверк, превратились в юридический инструмент, двоих прохожих просто заставили написать в заявлении, что их здоровью был причинен ущерб («Сложно сказать наверняка, вот сейчас у вас звенит в ушах, а завтра вы, может, оглохнете. Но пока вы не подпишете эту бумагу, в больницу мы вас не отвезем»). К счастью, эти люди не поленились потом прийти

в полицию, отозвать заявления и сообщить, что на них надавили. Этот благоприятный исход затмевает тот факт, что из-за вмешательства полиции люди, которым акция все-таки доставила неудобства, не смогли высказать свои претензии тем, кто запустил фейерверк, а те, в свою очередь, так и не смогли выслушать критику в свой адрес.

Такой профилактический подход к осуществлению социального контроля скрывает политический аспект проблемы. Полицейские считают себя противниками сквоттеров, подрывающих капиталистический строй, а сквоттеры, конечно, отвечают им взаимностью. У большинства сквоттеров есть знакомые, которые были избиты, заключены в тюрьму или подверглись пыткам со стороны полицейских, и всех их оскорбляли, унижали, запугивали. Отчасти полицейские для того и существуют, чтобы противодействовать попыткам сквоттеров силой нарушить общественный порядок и ниспровергнуть законы о частной собственности. Поэтому полиция видит своим долгом предотвращать публичные акции сквоттеров и наказывать участников, так что распространенный в обществе страх перед терроризмом ей только на руку. Важно, что та самая акция с неудавшимся фейерверком частично была организована как протест в ответ на волну выселений и репрессий против сквоттеров-антикапиталистов годом ранее. В остальные дни планировался срыв заседания собственников жилья и большой марш. Эта акция должна была стать самой мирной, активисты хотели полностью посвятить ее общению с гражданами. Система правосудия подавила ее и окрестила «военизированной» атакой сквоттеров, которые якобы хотели направить свой гнев «против людей, которые с ними несогласны». На практике мы видим размытое различие между идеальной целью демократического плюрализма – предотвращением конфликтов между людьми разных взглядов – и его дурной привычкой препятствовать всякому общению между ними. В обществе зрелищ единственное средство обмена мнениями превращается в зрелище.

Моя небольшая и сумбурная история показывает, как система правосудия достигает своих политических целей, по большому счету, репрессивных, даже если при этом совершается в какой-то мере справедливый суд. Движение было подавлено, я и мой напарник добились справедливости, и никакого противоречия между этими фактами нет. Даже не посадив в тюрьму невиновного, система правосудия нанесла несколько ударов по движению, которое считается общеизвестным врагом капитализма и государства. Двое человек провели небольшой срок за решеткой, но гораздо больший – под психологическим давлением. Десятки людей выбивались из сил, чтобы собрать деньги, привлечь внимание к этому происшествию и организовать поддержку; на все это они тратили время, которое могли бы посвятить другим проектам или, как они хотели с самого начала, налаживанию связей с общественностью, что все больше отдаляло их от социальной реальности (так как общественность не осознает, что находится в состоянии войны, в то время как государство сознательно использует против нее военные методы). Кроме того, эти люди пережили психологический стресс, ведь захватили их друга, а с ним и еще одного человека, который разделяет их взгляды, и им грозило тюремное заключение. Иными словами, арестовали двоих, а наказано было все сообщество, причем в течение двух лет, хотя формально суд оправдал обвиняемых.

Если бы мы искали справедливости, если бы мы вообразили, что можем добиться ее в суде, в нашей истории можно было бы поставить точку. Но, к счастью, мы понимаем, что живем в состоянии гражданской войны. Это заявление показалось бы догматическим, импульсивным или эгоцентричным, но криминологи и исследователи полиции также признают, что деятельность полиции – это, в том числе, сопротивление оппозиционным движениям (Уильямс, 2004). Современная доктрина «войны четвертого поколения» еще более открыто описывает войну как внутреннюю и непрерывную.

Наша способность выживания в условиях постоянных атак со стороны системы правосудия основана на нашем отрицании этой системы: мы устанавливаем отношения доверия и согласия; мы ищем способы разрешать наши внутренние конфликты, не прибегая к системе правосудия; мы отказываемся от морали, основанной на понятиях невинности и вины, и от кодифицированного объективного закона; мы разоблачаем классовые интересы социальных институтов и субъектов системы правосудия; мы напрямую, безо всяких посредников, обращаемся к людям, от которых государство хочет нас изолировать; выживаем в ситуации беззакония; и продолжаем действовать, не спрашивая разрешения. Подводя итог, я могу сказать, что это противостояние мы выиграли. Нам пришлось тяжело, но трудности нас сплотили; многие впервые увидели истинное лицо системы правосудия, а движение сквоттеров еще раз доказало свою способность выживать в условиях давления. Лично мне пришлось жить в Барселоне на птичьих правах, и я вышел из этой ситуации победителем, воруя все необходимое для выживания – ведь меня лишили возможности зарабатывать.

Здесь можно было бы заявить, что общество стало бы безопаснее, сильнее, более открытым для этического развития и решения социальных конфликтов, исправления ошибок, будь оно основано на горизонтальных связях, а отдельные люди могли бы использовать прямое действие и диффузные санкции, и если бы не было системы правосудия, правительства – демократического или какого-то другого – и иерархии социальных классов. Но я не намерен писать политическую брошюру, утверждая то, что для одних очевидно, а другим покажется догмой. И я не собираюсь расписывать в убедительных подробностях все плюсы предлагаемого строя, так как социальное планирование вообще несовместимо с горизонтальными формами организации. Нельзя писать программный документ против общества, основанного на программных документах. И если вас не убеждают простые и ясные действия против системы и миллионы людей, которые берут ситуацию под свой контроль, можете считать, что вы уже решили, на чьей вы стороне.

Вот и все, что можно сказать о правосудии, рассуждая объективно, а все из-за того, как тщательно система правосудия отрицает субъективную реальность. Миллионы людей, которые нарушают закон из необходимости или по прихоти, особенно если эти нарушения бросают вызов существующему общественному контролю или иерархии, отрицают тем самым глубинные основы идеи правосудия, но объективная академическая критика системы правосудия, по большей части, не осознает последствий такого частого отрицания. Я считаю необходимым отметить, что все научное сообщество несет свою долю ответственности за нынешнее бесправие общества, создаваемое практикой правосудия, потому что, на самом деле, в своей объективности ученые работают на институты правосудия, а не для людей. Ученые производят

дискурс, вместо того чтобы поощрять действие, а дискурс – это хлеб для уже существующих социальных институтов. Это жизненная сила, питающая и адаптирующая бюрократический аппарат у власти; для тех, кем правят, он бесполезен – разве что действует как паллиатив, смягчая боль.

Убедительный тому пример – проблема изменения климата, не такая запутанная, как вопрос о разрешении конфликтов. С одной стороны, научное сообщество готовит инженеров и специалистов по связям с общественностью, которые, наряду с политиками и руководителями бизнеса, несут самую непосредственную ответственность за разрушение природы. С другой стороны, научное сообщество готовит ученых, которые исследуют это разрушение. Климатологи отлично знают, что наше общество совершает массовое самоубийство. Тем не менее, оно продолжает проводить исследования, которые, что не может быть неочевидно, адресованы только корпорациям, правительствам и другим элитарным организациям; они даже написаны на языке, непонятном для широкой публики. В каком виде обстоятельства этой катастрофы будут доведены до общественности, в итоге решают СМИ, которые в финансовом плане неотделимы от корпораций, ответственных за изменение климата. Климатологи не саботируют работу своих коллег в дисциплинах, готовящих специалистов для уничтожения планеты; они не вторгаются в эфир, чтобы рассказать о реальном положении дел; они не раздают в продуктовых магазинах листовки, из которых обычные люди могли бы узнать, что у нас осталось всего несколько лет, чтобы спасти планету; они не предлагают свою помощь, ресурсы и культурную легитимность в поддержку анархистов, которые садятся в тюрьму за саботаж вырубке лесов, и не замечены в поджогах автопарковок, плотно заставленных внедорожниками (и не предлагают других способов сократить привлекательность огромного количества этих энергетически неэффективных транспортных средств для покупателя, чтобы хоть немного снизить выбросы углекислого газа в атмосферу). Они выбрали верность институту вместо верности планете и истине, которая им хорошо известна.

Некоторые из приведенных в этой статье аргументов выдвигались и ранее мыслителями аболиционистского направления. Однако они изложили свои взгляды в форме предложений по переустройству общества. Но неоспоримость того факта, что полиция, суды и тюрьмы являются участниками войны против сопротивления власти, в которой они борются против угнетенных членов общества, вынуждает делать выбор. Наблюдая асимметричную войну агрессии, невозможно оставаться беспристрастным. Вы пересекаете критическую черту, когда судят, сажают за решетку, пытаются и убивают ваших друзей или близких, а не неких абстрактных «информантов» или членов статистической выборки. Критика правосудия с помощью дискурса вместо призывов к действию – непростительный цинизм. Полезно напомнить, что развитием тюремной системы мы обязаны в большой мере гуманитарной реформе (Фуко, 1977), направляемой учеными, причем многие из них делали это из лучших побуждений, составляя документы в попытках найти более совершенные средства социального управления.

В современной бюрократической системе контроля не нужно быть невероятно богатым, чтобы принадлежать к правящему классу. Достаточно просто смотреть на общество сверху вниз, рассматривать человеческие проблемы с негуманной точки зрения, отделять желания от действий и вносить свою лепту.

Уже существует большой опыт сопротивления системе правосудия, и миллионы людей понимают, что они находятся в состоянии войны с полицией или, по крайней мере, с некоторыми аспектами государства. И если это война, нужно не упрашивать врага быть гуманнее с нами и не поручать изучение этих миллионов прогрессивным ученым, которым хватит смелости вообще признать их существование – исследования не принесут пользы людям, но помогут госорганам, которым приказано анализировать и преуменьшать влияние неподконтрольных социальных элементов. Что действительно необходимо, так это солидарность – нужно преодолеть раздробленность, объединиться и создать общую силу, способную изменить социальную действительность снизу.

Эту статью я написал не для создания дискурса, а как призыв людей к действию. Чтобы действовать более эффективно и честно, нужно смотреть на социальные конфликты собственными глазами, а не слепо верить пересказам властей, лишающих их человечности. Если мы поймем, что обязаны взять ситуацию в свои руки, а не призывать для решения проблемы сильного правителя, мы сможем противостоять институциональной конфигурации, которая является причиной многих худших бед общества или усугубляет их. Вера в то, что мы сможем пережить репрессии, с которыми столкнемся на этом пути, даст нам мужество сделать то, что должно.

Список использованной литературы

- Harold Barclay, 1982. *People Without Government: An Anthropology of Anarchy*, London: Kahn and Averil.
- Jamie Bissonette, 2008. *When the Prisoners Ran Walpole: A True Story in the Movement for Prison Abolition*, Cambridge: South End Press.
- Christopher Boehm, 1993. *Egalitarian Behavior and Reverse Dominance Hierarchy*, *Current Anthropology*, Vol. 34, No. 3, June 1993.
- Michel Foucault, 1977. *Discipline and Punish: the Birth of the Prison*. New York: Pantheon Books.
- Peter Gelderloos and Patrick Lincoln, 2006. *World Behind Bars: The Expansion of the American Prison*, Harrisonburg, Virginia: Signalfire Press.
- David Graeber, 2004. *Fragments of an Anarchist Anthropology*, Chicago: Prickly Paradigm Press.
- Derrick Jensen, 2004. *A Culture of Make Believe*, White River Junction, Vermont: Chelsea Green.
- Thomas Mathiesen, 1974. *The Politics of Abolition*, London: Martin Robertson.
- James C. Scott, 1998. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*, New Haven: Yale University Press.
- James C. Scott, 2005. *Civilizations Can't Climb Hills: A Political History of Statelessness in Southeast Asia*, lecture at Brown University, Providence, Rhode Island, February 2, 2005.
- Dennis Sullivan and Larry Tift, 2001. *Restorative Justice: Healing the Foundations of Our Everyday Lives*, Monsey, NY: Willow Tree Press.
- E.P. Thompson, 1975. *Whigs and Hunters: the origin of the Black Act*, London: Allen Lane.

Kristian Wiliams, 2004. *Our Enemies in Blue*, Brooklyn: Soft Skul Press.

Послесловие

В мае 2012 года было по-настоящему круто. Крепло чувство, что вот сейчас все вдохнут весеннего воздуха еще раз и окончательно все поймут. Революцию напоминало совсем чуть-чуть, но для нас, в своей стране не видевших ничего подобного, и это было хорошо. Мы зависали на «Оккупаях», кормили людей, бегали с ОМО-Ном наперегонки, катались в Жуковский, угорали над белой гордостью и пытались переубедить либералов. Часто нас задерживали и доставляли в ОВД. Когда арестовали Сашу Духанину, мы пришли в Басманный суд передать ей привет и заодно посмотреть на лысого прокурора с цепким взглядом. Там были блогеры, журналисты, репортеры с каких-то интернетресурсов. Один из них носился, обвешанный гаджетами, декламировал сообщения и комментарии из сети, публиковал посты. Он и передал нам послание на английском: «Solidarity with Russian anarchists from Argentine». Тогда я почувствовал это – единение с людьми Аргентины и всего мира, ощутил единомышленников на расстоянии локтя, в жизни, а не в пламенном манифесте. Появляющаяся в данный момент солидарность прекрасна. Я вдохнул ее в мае на Болотной и у Басманки, а выдохнул на Петровке в июле. Чувство солидарности не радужное, не розово-сопливое. Оно всегда вопреки чему-то, преодолагает трудности, границы, оно очень человеческое, поэтому и объединяет. Эта книга дает необходимые для появления солидарности знание и понимание общности проблем. За океаном тоже есть угнетение и несправедливость, как бы это ни удивляло наших демократов.

Будь то США или РФ, государство постулирует незаменимость и сакральность своих институтов, особенно в том, что касается разрешения конфликтов в обществе. Поддерживая миф о несамостоятельности общества, государство паразитирует на нем, поглощает все его ресурсы, при этом представляя все так, как будто это делается на благо людей и с их же согласия. Вообще, таких мифов очень много: «безопасность приоритетна», «общество не способно обеспечить свою безопасность», «безопасность исключает свободу», «свободы и так больше, чем требуется», а еще «независимые суды», «добрые полицейские», «честные чиновники», «разумные депутаты»... Государство активно эксплуатирует противоречие между стремлением к самосохранению и стремлением к свободе действий, заложенными в каждом человеке. Это был бы вопрос внутреннего выбора, если бы только государство так ревниво не реагировало на поиски альтернативы. Российский левиафан распластался по *всей стране* в попытке подчинить все виды жизнедеятельности, вплоть до секса, женского белья и наших мыслей. Шанса не напороться на очередной идиотический запрет нет, так как все подчинено власти государства. Речь идет не о полном контроле как таковом, а о болезненной, неудовлетворенной страсти к полному контролю.

Твою вину и наказание за нее формирует следствие, затем утверждает прокуратура, подтверждает суд и осуществляет тюрьма. Система работает по отлаженной

схеме и редко дает сбой – в итоге человек оказывается за решеткой со сроком на плечах. Суд в этой последовательности не сильно отличается от других исполнителей. Институционально он выведен из круга, в действительности лишь юридически обосновывает и закрепляет санкции следователя и прокурора. Доверяют судам те, кто еще с ними не сталкивался. То, что в тюрьму попадают только закоренелые преступники – иллюзия. Ты остаешься на свободе до тех пор, пока кто-то не захочет тебя посадить. Коррупционность и ленность одних правоохранителей, амбиции других открывают перспективу заточения буквально всем. В первую очередь, ты можешь просто оказаться не в то время и не в том месте, твои действия будут трактоваться вполне определенно – как преступные. Менты не станут искать другие версии и сделают из тебя убийцу, мошенника, наркодилера или вандала. Их «внутреннее убеждение в виновности подсудимого» весомее любого алиби. Или ты можешь стать жертвой проплаченного дела, возбужденного по просьбе твоего оппонента, и тогда силовики отнесутся к тебе с завидным вниманием – ты сядешь даже по самому абсурдному обвинению. Есть третий, более экзотический, вариант. Статусные структуры вроде ФСБ и СКР возьмут тебя в заложники, выполняя государственный заказ. Это и произошло с нами.

Мы, фигуранты «дела двенадцати», были подвергнуты превентивному аресту и до суда находились под стражей около года. Мотивом нашего превентивного ареста стали заверения следователей в том, что мы виновны в преступлениях против полицейских и общественного порядка (порядка управления?) и что существует гипотетическая возможность ухода от правосудия. В 99,9% случаев, если следствие желает видеть подозреваемого под стражей, вне зависимости от имеющихся доказательств, рода деятельности, семейного положения, здоровья – суд санкционирует арест. За решетку бросают и больных людей, для которых тюрьма является видом пытки. Человек может сидеть в СИЗО полгода-год просто так, не участвуя в следственных действиях, а следователь будет исправно писать прошения о продлении ареста, аргументируя их убойной формулировкой: «Обстоятельства не изменились и необходимость содержания под стражей не отпала». Переполненные изоляторы никого не останавливают.

Быстро осознав, что наше преследование – политическое, мы скоро потеряли всякий интерес к многочисленным переарестам и стали ждать основного суда. Суд по существу дела длился с 6 июня 2013 года по 24 февраля 2014 года, проходил 3–4 раза в неделю, с некоторыми перерывами, с раннего утра до поздней ночи. Мы были слишком измотаны, чтобы в полной мере следить за происходящим. Сложно передать всю гамму спекуляций, утрирований, передергиваний, юридической слепоты, наглости, безразличия, лжи и предопределенности исхода, с которыми мы столкнулись в Замоскворецком суде. Видео, доказывающие полную невиновность некоторых моих «подельников» – даже с точки зрения системного правосудия – не были приняты во внимание. По сути, никто из нас не нанес никаких повреждений полицейским, в чем нас обвиняли. Видеозаписи, показывающие хамство и жестокость полиции, провокации и насилие с ее стороны, оценку суда не получили. Доказательства, разрушающие линию обвинения в отношении всех фигурантов, сеющие сомнения, также не были учтены.

Конечно, сработал принцип коллективной вины. Я не отрицал, что 6 мая противодействовал полиции. То, что я допускал возможность неподчинения требованиям полицейских, уже свидетельствовало о виновности. В приговоре есть такая строчка: «... [подсудимые] присоединились к части людей, связанных между собой сходством эмоционального состояния и общим элементом внимания, психологически готовых к совершению общественно опасных деяний и подверженных протестному выступлению против представителей власти». Неважно, были «беспорядки» на Болотной беспорядками с точки зрения уголовного кодекса или нет, неважно, в какой мере мы принимали в них участие. Сам императив сопротивления, неподготовленного, спонтанного, неудачного, но явственного и массового, государство не могло оставить без наказания. Юридические претензии лично меня всегда занимали куда меньше здравого анализа события и его социального смысла. А смысл «болотного дела» в том, что арбитром прямого конфликта общества и государства становится само государство, сколько бы нам ни рассказывали про независимую судебную ветвь власти. Один винтик системы принимает решение в пользу другого. Сегодня корпорация должна защитить своих исполнителей, чтобы завтра они защитили корпорацию. На одной из пресс-конференций Путина спросили про нас, и он, на мой взгляд, ответил предельно искренне. Он сказал, что не считает тюрьму справедливым наказанием для тех, кто нарушил порядок на массовых акциях, но трогать полицейских нельзя. Сам факт насилия, примененного к омоновцам, затмевает условия его применения и его степень. Мнение президента не могло не отразиться на амнистии 2013 года. Была аминистрирована наша более тяжкая 212-я статья («массовые беспорядки» со сроком от 3 до 8 лет), а статья 318-я («применение насилия по отношению к представителям власти» со сроком до 5 лет) – средней тяжести, – в амнистию не попала. В совокупности при наличии 318-й амнистия не распространялась и на 212-ю.

Меня отправили на 3,5 года в колонию за то, что я дернул омоновца за руку. От этого у него не появилось синяка или даже покраснения. Люди, избитые 6 мая полицейскими, с рассечениями и сотрясениями мозга, добиться возбуждения уголовных дел не смогли. 24 февраля меня избили в Замоскворецком суде за то, что я не стал терпеть оскорбления со стороны конвоира. Я зафиксировал гематому у врачей СИЗО и подал заявление в следственные органы с указанием номеров жетонов полицейских. Вялотекущая проверка по этому поводу заглохла где-то в недрах МВД, «не выявив нарушений прав и свобод». Такое сравнительно несерьезное насилие, особенно в отношении уязвимых социальных групп – заключенных, эмигрантов, демонстрантов – правоохранителям всегда прощают. Временами государство наказывает вконец озверевших ментов, чтобы сбить градус общественного недовольства. Но в большинстве случаев сотрудник полиции по-прежнему «более прав», чем ты. Зачем сильно переживать о новых поправках в законе «о полиции», расширяющих полномочия, если реальное положение дел на улице, митинге не изменится?

Телевизор навязчиво рекламирует будни полицейских, полные беспредела, коррупции и мрака спальных районов. Половина новостей про то, как кого-то сажают, судят, объявляют в розыск. Зрителей закармливают криминально-ментовским супом. Осознанно или нет, телевидение формирует особый тип мышления, которое можно назвать *ультрабытовым*. Такое мировоззрение запирает разум в клетку бытовых проблем, пропагандирует примат быта или вовсе отрицает существование иных

тем. ТВ как главный государственный агитатор создает для потребителей меркантильного бога дневных сериалов, полумента-полубандита. Все сторонние ситуации проходят через прокрустово ложе привычного восприятия. Разгром администрации Химок, имевший реальные социальные и политические причины и последствия, в трактовке НТВ превращается в историю про банальный конфликт собственников с привлечением наемных хулиганов. Происходит не героизация полицейских, а утверждение нормальности их поведения и образа жизни. Вся эта уголовная «улица Сезам» призвана легализовать извращенную связь общества и тюрьмы, адаптировать их друг к другу.

При этом во многом тюрьма остается абстракцией. Именно абстрактность, неопределенность позволяет сохранять миф о Тюрьме Исправляющей. Якобы помещаемые в некое смутно представляемое пространство, во-первых, справедливо караются, во-вторых, меняются в лучшую сторону. Человека изымают из общества, изолируют, отправляют в сумеречную зону – считается, что таким образом проблема решена. Она действительно исчезает на некоторое время, но чисто формально. Как правило, в тюрьме человек только обрастает новыми проблемами. Для его близких это ежедневная критическая ситуация. У него отбирают здоровье, нервы, время и деньги, посягают на его достоинство. Тюрьма не лечит болезни общества, а наглядно демонстрирует нежелание их замечать. Кроме того, тюрьма и есть рассадник социальных хворей. Фуко заметил, что она только акцентирует механизмы, уже присутствующие в обществе: наблюдение, подавление, власть над телом. Колючая проволока огораживает и государство тоже. Паноптикон Бентама реализуется не в архитектуре, а по смыслу. Большой Брат следит за тобой в кафе, на работе, в метро, на улице и дома – это реальность, а не фильм «Эквилибриум».

Но современная российская тюрьма имеет мало общего с дисциплинарным монстром Фуко. За соблюдением правил особо никто не следит. В пределах камер СИЗО заключенные предоставлены сами себе. Надзиратели обращают внимание на серьезные нарушения вроде драк и распиливания решеток. Школа и армия реализуют дисциплинарные схемы успешнее следственного изолятора. Выраженной конфронтации между этническими группировками нет, арестанты консолидируются против установленных ФСИН порядков. Центральную роль играет противостояние администрации тюрьмы и теневой иерархии заключенных. Администрация вынуждена учитывать богатые советско-российские околотюремные традиции альтернативной этики. Жесткая кастовая система, принятая среди зеков, в разных тюрьмах-лагерях может проявляться в меньшей степени или большей. Где-то она полностью доминирует, где-то ее ломают надзиратели. Чаще всего присутствует синтез двух систем. Криминальные авторитеты с воли назначают своих представителей в тюрьме, которые осуществляют надзор за денежными потоками в СИЗО, а также выстраивают иерархию. Это своего рода дипломатическая игра. Ставленники криминального мира обеспечивают подчинение заключенных, соблюдение ими норм СИЗО при важных проверках, отсутствие жалоб на администрацию. Взамен та сквозь пальцы смотрит на межкамерные связи, включенный телевизор после отбоя, свечи и лампы. Главное: не пересыхает ручей алкоголя, наркотиков и телефонов, проносимых в тюрьму самими же сотрудниками.

Всего я просидел в СИЗО с августа 2012 года по июль 2014 года, почти все время в Бутырке. Это немалый срок, хотя я знаю человека, который сидит на централье 3,5 года. Благодаря резонансу дела и контролю правозащитников сидели мы в хороших условиях – лучше, чем многие другие. Я могу рассказать немало невеселых историй о человеческих судьбах. Например, история о парализованном ниже пояса человеке, которого приговорили к 6 годам общего режима на выездном заседании суда прямо в Бутырке, потому что внутри системы ФСИН он нетранспортабелен. История о девушке, арестованной за сбыт наркотиков, которые на самом деле были ей нужны для смягчения диких болей, возникающих из-за серьезной болезни. Ее закрыли в СИЗО умирать, потому что оказать необходимую медицинскую помощь в условиях тюрьмы было невозможно. Таджики, заезжающие за кражу мобильного стоимостью 500 рублей и получающие за это 3–4 года. Кабардинец – мусульманин, схваченный по заказу центра Э и обвиненный в сбыте наркотиков, подброшенных ему при задержании СОБРОм. Вообще, статья 228 (наркотики) наиболее популярна. Как говорят зеки, «народная». Больше чем у половины сидельцев именно она. Четвертая часть 228-й предусматривает срок от 10 до 20 лет, пятая – от 15 до пожизненного. Более чем серьезно. С помощью статьи 30 УК РФ менты искусственно утяжеляют преступление или просто выдумывают его. Статья 30 – это попытка, стремление к деянию, неоконченный замысел. Человека задерживают дома, находят при обыске гашиш, вменяют 4 часть 228-й через 30-ю и дают 8 лет. Меньше 10, но все же очень много. А законченный героиновый наркоман, угрожавший бабушке ножом, чтобы раздобыть денег на дозу, получает 1 год и 9 месяцев.

50% арестантов являются гражданами государств Средней Азии, в основном Таджикистана и Узбекистана, вторые по численности – жители республик Северного Кавказа и постсоветского Закавказья. 2/3 заключенных не принадлежат русской нации. Даже по самому легкому обвинению оказаться за решеткой несложно, особенно если у тебя нет местной прописки. Российское правосудие, как и американское, носит расистский характер. Во-первых, власти в любой угрожающей им ситуации охотно обращаются к теме этнической преступности и показушно карают ее. К примеру, в преддверии выборов мэра Москвы. Во-вторых, многие рядовые силовики на чисто бытовом уровне – ксенофобы и шовинисты. Однако полицейский-расист редко одобряет своего радикального коллегу бонхеда, считая того недоумком и выскочкой. Среди конвоиров и омонцовцев недоумков явно не меньше.

Судьба бонхеда в тюрьме может быть разной. Отдельных центров силы у них нет и быть не может. Обычно неонаци стараются скрыть свои взгляды, мотивы и татуировки. Они не любят сидеть в больших камерах на 30 человек, где сложно что-то утаить. Один бонхед 2 недели не ходил в общую баню, потому что боялся демонстрировать свастики на теле. Лишенным такого клейма удастся шифроваться, так как специфическая тематика татуировок остается сокамерникам непонятной. Молоты Тора, «1488» и коловраты не вызывают у людей явных ассоциаций. Кстати, свастика – тоже атрибут тюремной субкультуры, означающий отрицание и неподчинение системе. Некоторым нацистам удается выехать на этом. Тем не менее, с нацизмом на время отсидки они завязывают. Бывает и так, что нацисты принимают ислам. При мне активист одиозной наци-группировки с десятком трупов на счету братался

с армянином и заверял его в своем уважении к нему, а другой известный бонхед откровенно съезжал с темы в разговоре с дагестанцем о политических убеждениях.

Сравнивая пенитенциарные системы США и РФ, необходимо подмечать общее, чтобы не питать иллюзий насчет «демократических» государств, и видеть различия, чтобы не впадать в сомнительный антисистемный догматизм. Любое государство не чувствует себя в безопасности без Тюрьмы. Где-то оно способно обеспечить некое благополучие для граждан, и Тюрьма используется хирургически. В США и РФ, странах, где много очень бедных и очень богатых, Тюрьма востребована и применяется в качестве профилактики. Отношение к обществу как к заведомо больному характерно. Когда человек отказывается от употребления мяса, все вокруг сразу начинают пристально интересоваться его здоровьем, находить причину всех болезней именно в этом, словно мясо является панацеей. Мало кто более-менее в курсе этого вопроса, мало кто действительно взвешивает пропорцию вреда и пользы от мяса, этичность мясоедства. Просто «так принято», а попытки отойти в сторону и поразмыслить вызывают запоздалую обывательскую рефлексию и рационализацию стереотипов. Вот и тюрьма, по сути – стереотип, она создает проблем больше, чем решает, она категорически неэтична, но считается, что преодолеть ее невозможно и вообще вредно.

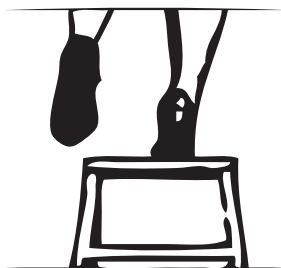
Можно ответить, что и совершаемые преступления неэтичны. Безусловно, в случае с убийствами, изнасилованиями это так. Но ведь преступник не появляется из ниоткуда. Ситуация насилия имеет 3 фактора: личностный, собственно ситуационный и системный. Личностный фактор доминирует при душевных патологиях. Но часто обычные, нормальные люди оказываются в определенных рамках выбора не по своей воле. Ситуация конструируется так, что различные варианты плохи по-разному, но все-таки плохи. Конструктором становится система, в свою очередь реализующая монополию на насилие и пускающая тем самым круги по воде. Во время Стэнфордского тюремного эксперимента обыкновенные студенты за несколько часов так вросли в роли надзирателей и заключенных, что одни намеренно унижали подопечных, чтобы держать их под контролем, а другие без шуток рассуждали о юридических аспектах досрочного освобождения. Они забыли, что все происходящее – социологическая игра. Авторы эксперимента сделали все, чтобы границы ситуации казались действующим лицам непроницаемыми. При должной подаче и отсутствии контакта с внешним миром человек без труда погружается в реальность выдуманную, какой диссонанс она бы ни вызывала с мировоззрением и принципами.

Для того чтобы противостоять бесконечно формируемым обманам, нужны знания и единство. Человек не может полностью передать свой опыт другому, но может рассказать о нем товарищу. Все мы и есть переработанный, усвоенный опыт, эмоции им вызванные, личный взгляд на него. Гидра судопроизводства призвана лишить нас всего идентифицирующего, всех признаков, превратить в безликую статическую единицу. Твою самость кастрируют при помощи юриспруденции, ты обезличен, и обвинители безразличны к тебе. Вся логика анархизма направлена против этого. Прямое действие ведет анархиста в гущу событий, не позволяя отсиживаться в парламентах. Академизм и официоз, даже направленные в позитивное русло, смущают тем, что академики и официальные лица продолжают обсуждать актуальные пробле-

мы за чашечкой кофе, когда все уже польхает. И многие-многие из них лгут. Анархист же верит в себя и в Человека, одной рукой разрушающего, другой – создающего.

Алексей Полихович
СИЗО «Бутрыка», весна-лето 2014

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Питер Гелдерлоос
Тюрьма
(сборник статей)
2016

Пер. с англ. common place
ISBN 978-99980-0008-7

ru.theanarchistlibrary.org